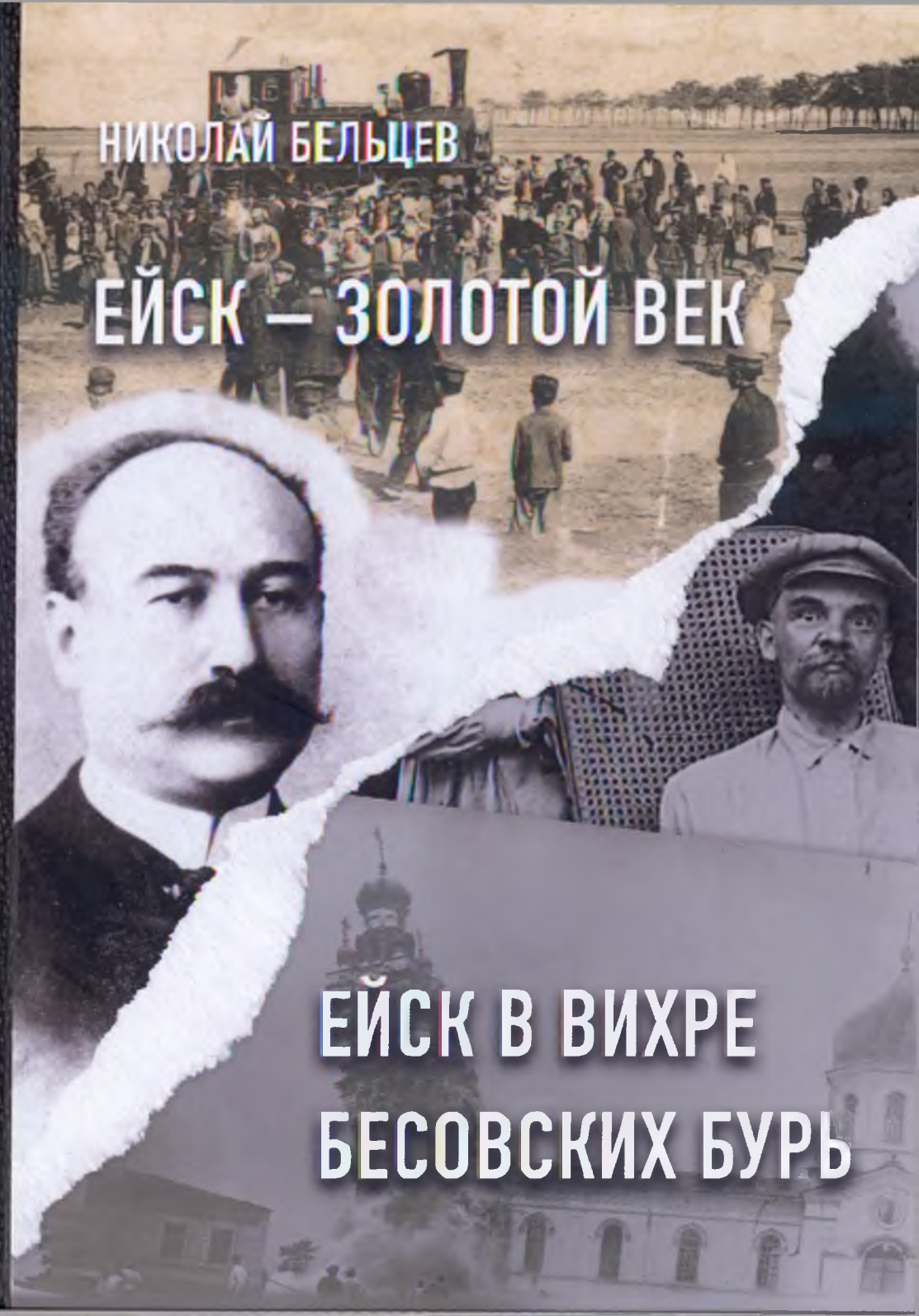

Уважаемый читатель, в настоящей работе Вы встретите резкие суждения об организаторах и участниках революционных событий и событий Гражданской войны в России. Подходя к событию, я не искал смысла в решениях ревкомов, съездов и конференций, а исходил из позиции грамотного гражданина, патриота России.

Твердые убеждения в обществе того времени заключались в том, что человека могут арестовать только по закону. Арестовали? Значит есть за что. Практика работы ВЧК, НКВД и зловещих "троек" была непостижима здоровой логике, как и многие действия новых властей. Руководить и эффективно управлять, это не удел кухарки. И она, чтобы попасть к плите, должна пройти хорошую школу.

ISBN 978-5-00149-937-4

НИКОЛАЙ БЕЛЬЦЕВ

ЕЙСК — ЗОЛОТОЙ ВЕК

ЕЙСК В ВИХРЕ
БЕСОВСКИХ БУРЬ

От автора
Ноябрь 2022.

Ульянов

Николай Бельцев

ЕЙСК — ЗОЛОТОЙ ВЕК

**ЕЙСК В ВИХРЕ
БЕСОВСКИХ БУРЬ**

Издательство Эдитус
Москва

УДК 94(470.620)
ББК 63.3(2Рос-4Кра)
Б44

Бельцев Н.

Б44 **Ейск — золотой век. Ейск в вихре бесовских бурь.** —
М.: Эдитус, 2022. — 112 с.

.....
Литературно-художественное издание

18+

Николай Бельцев

Ейск — Золотой век Ейск в вихре бесовских бурь

Оригинал-макет подготовлен издательством «Эдитус»
в авторской редакции

ООО «Эдитус», 125565, Москва,
Ленинградское шоссе, д. 80, стр. 1
8 (800) 775-30-87, www.editus.ru

Отпечатано в типографии ООО Фирма «П-Центр»
129515, г. Москва, ул. Академика Королёва, 13

Подписано в печать 21.10.22
Формат 148x210. Усл. печ. л. 7
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 200 экз. Заказ № 202210031

ISBN 978-5-00149-937-4

© Бельцев Н., 2022

© Оформление. Издательство «Эдитус», 2022

Николай Владимирович Бельцев — увлеченный исследователь истории своего рода и края. События, которые переживал Ейск в различные исторические эпохи, воспринимаются им очень лично, ведь некоторые из них коснулись семьи автора.

В этой книге мы увидим две главы из истории города: «Золотой век» Ейска, который охватывает период от конца XIX века и до начала первой мировой войны, и «Век бесовских бурь» — от первой мировой и до голодомора тридцатых.

Почему автор противопоставляет эти два периода? Каким он видит Ейск в предвоенные годы? Что за «бесовские бури» бушевали в городе и стране после первой мировой?

Ценность книги — в личном взгляде на происходившие тогда события. Отсутствие чёткой сюжетной линии компенсируется уникальными деталями и фотографиями, помогающими читателю оживить картину восприятия.

Черняк Кирилл, июль 2022

ЕЙСК — ЗОЛОТОЙ ВЕК

Уважаемые ейчане!

За 55 лет жизни в Ейске, после 35 лет службы в Советской армии, 37 лет я посвятил работе в ДОСААФ города в должности председателя, был начальником штаба гражданской обороны города, научным сотрудником Ейского историко-краеведческого музея и состоял в Советах ветеранов города и района.

Мне, любителю истории Ейска и района, попали в руки многие архивные документы, порой с различной оценкой прошедших событий и характеристиками людей. Кроме этого, мои предки — отец и его сёстры, довольно тесно общаясь со мной, много рассказывали о событиях, людях, зданиях нашего города. Не претендуя на строгую объективность (кроме четких данных из архивных документов), хочу выразить своё мнение и видение некоторых событий очень сложного, многогранного, оптимистичного и радостного, грозного и трагического периода жизни города и его обитателей, который мы именуем XX веком.

Мои предки жили на Керченской (ныне Советов) улице, по нечётной стороне от угла Елизаветинской (ныне Розы Люксембург) третий дом, за которым стоит и сегодня двухэтажный дом бывшего полицейского управления города, рядом с прекрасным зданием ейской городской Думы. Первый угловой дом принадле-

жал Игнату Ивановичу Дедешко (1843–1890), женой которого была родная сестра моего деда Николая Филипповича — Мария Филипповна (моя двоюродная бабушка).

Семьи были большие и очень дружные, в каждой — за десяток детей. Калитка между дворами. Лавочки для посиделок в погожие вечера не пустовали.

В канун нового, 1900 года, часов в 10–11 вечера 31 декабря 1899 года, мой дед Николай Филиппович и старший сын покойного Игната Ивановича, сорокалетний Михаил, беседовали в беседке во дворе Дедешко, коротая время перед праздничным новогодним ужином, над которым хлопотала женская половина. Новый год — семейный праздник, и каждая семья встречала его за своим столом. Друзья беседовали о разном, погода была сухая и довольно тёплая при почти безоблачном небе. Неожиданно в западной части небосклона высоко стала разгораться широкая полоса тёмно-красного цвета. Друзья наблюдали её с полчаса, пока она не исчезла.

Удивлённые необычным явлением, соседи сошлись на том, что это недобрый знак для наступающего столетия, и разошлись по своим домам, где всё уже было готово для проводов отшумевшего века. В последующем все неприятные события наступившего столетия в их

семьях рассматривали в свете этого кровавого зарева. А сегодня грамотный метеоролог научно объяснит природу этого явления.

За большим овальным столом Бельцевых собралась уже немалая семья. Во главе, в старинном кресле, как уже многие годы, сидела Мария Петровна, моя прабабушка и мама бабули Дуни. По правую руку от неё дед Николай и бабушка, напротив, по левую, — старшая дочь Наталья (12 лет), Георгий (10 лет), Антонина (9 лет), Серафима (6 лет) и трёхлетний Пётр. Поздравления, воспоминания о приятных событиях семьи, новогодние подарки детям... Мария Петровна осталась с детьми, а супруги ушли к Дедешко на приглашение к празднику.

Город начал первый год нового столетия своей обычной, размеренной жизнью. В младенческой полустолетней истории новый порт Российской империи знал только один заметный рывок — при руководстве князя Александра Сергеевича Голицына. Оценку его деятельности дал атаман Черноморского казачьего войска, генерал-майор Ращпиль в письме заместителю императора на Кавказе князю М. С. Воронцову по результатам своего ежегодного объезда всех населённых пунктов Кубани: «...Благодаря неустанному вниманию князя Александра Сергеевича Голицына и похвальному трудолюбию архитектора Жуковского... до настоящей ми-

нуты Ейск является на горизонте Черномории светлой звездой».

Правители города после князя Голицына не отличались большими способностями. Никто из них не мог похвалиться образованием и природной дальновидностью, пониманием успешной работы материальных и финансовых рычагов в интересах решения задач города и порта. Это были трудолюбивые, как правило честные люди, но без огонька. Все они понимали суть пополнения городской казны, но мелкие предприниматели вносили в неё небольшие суммы. А городу нужны были немалые средства, чтобы войти в разряд удобного морского порта. Неоднократные просьбы к кубанским и государственным властям о финансировании важных для порта и города проектов оставались без ответа.

И наконец судьба улыбнулась Ейску. В 1892 году прибыл в город на должность мирового судьи первого участка Василий Васильевич Ненашев. 30-летний юрист был весьма активен в общественной и деловой жизни города, и вскоре он был избран гласным Ейской городской думы. Василий Васильевич прочно вошёл в круг единомышленников в делах по развитию и совершенствованию города-порта.

Особенно близкие отношения у него сложились с архитектором Александром Евсеевичем

Подушко, автором проектов таких прекрасных сооружений, как нынешнее здание военкомата, Дом культуры города (Народный дом по проекту) и здание серолечебницы. Их дружба была скреплена и родственными отношениями: сестра архитектора, Евдокия Евсеевна, вскоре стала женой Ненашева и родила от него четверых детей: Евгения, Константина, Нину и Елену.

Бурная и ответственная деятельность, проникновение в малейшие детали решаемых задач вскоре сказались на состоянии здоровья Ненашева. Сердечные проблемы начали беспокоить его в 1910 году, и Ненашев лечился в столице, куда перевёз Евдокию и детей, желая дать детям хорошее образование. Лето семья проводила в Ейске (июль 1991 года, запись беседы с Зинаидой Александровной, дочерью Александра Евсеевича Подушко. Тетрадь «Жители Ейска»).

В 1898 году Ненашев был утверждён в должности ейского городского головы. Он уже был детально знаком с экономикой и проблемами города. Перед ним простиралось непаханое поле больших преобразований. Не без его участия в состав Думы пришли способные люди и составили надёжную деловую команду. Голова и его соратники понимали, что развитие и благосостояние города невозможны без мощ-

ного подъёма экономики и что главным рычагом при этом был порт, который к тому времени уже приобрёл популярность. Его «клиентами» стала Англия, Италия, Греция, Франция, Испания, Дания и Турция. Грузооборот достиг к 1892 году около полутора миллионов пудов в год.

Дальнейший рост сдерживали мелководность акватории, сложность и дороговизна погрузочно-разгрузочных работ. На строительство нового порта требовалось около миллиона рублей. Таких денег у города не было, а правительство на все просьбы отвечало отказом. Ненашеву в 1902 году удалось добиться разрешения на заём в 900 тысяч рублей под залог доходов порта, и 18 февраля 1903 года он подписал контракт на строительство порта. Руководить строительством Ненашев поручил талантливому инженеру С.Е. Палашковскому. Лиха беда начало. Используя свои столичные связи, Василий Васильевич добился и государственного финансирования в сумме более трёх миллионов рублей.

В середине июля 1905 года новый порт вступил в строй. Его глубина достигла 12 футов, а к 1910 году увеличилась до 15 футов. Одновременно у причалов нового порта могли стоять под погрузкой до 10 паровых судов. За оставшиеся полгода после открытия через новый

порт прошло около полутора миллионов пудов грузов, т.е. почти годовой объём перевалки за 1882 год. А в 1909 году только хлебных грузов через порт было отправлено более 7,5 миллиона пудов.

Взросший бюджет города обеспечивал расчёты по кредитам и позволял проводить работы по благоустройству города. Однако многовековые, незыблемые законы экономического развития требовали при любых условиях не сидеть сложа руки, любясь достигнутым, а искать новые формы и пути совершенствования деловой жизни. Сама жизнь диктовала это.

Сдерживающим фактором для порта стало отсутствие эффективных подъездных путей. Дрогали, содержавшие в городе до восьми тысяч лошадей, уже не обеспечивали необходимого подвоза товаров. А новая железная дорога от Владикавказской ветви до Новороссийского порта, построенная в 1888 году, вызывала спад притока кубанского зерна к Ейску. Около 30 лет городские власти безуспешно пытались решить проблему строительства железной дороги к Ейскому порту. И только Ненашеву удалось добиться в 1908 году разрешения Государственного совета на образование акционерного общества для строительства железной дороги Ейск — Сосыка. Ненашев считал, что контрольный пакет акций общества дол-

жен принадлежать городу. Это был первый в России опыт размещения городских денег.

Кроме Ейска, акционерами железной дороги стали пять станиц на пути к городу. Руководить строительством пригласили уже известного Ейску С.Е. Палашковского. Дорога строилась рекордно быстро. Последний, 133-й километр путей был уложен в марте 1910 года, а 11 июля 1911 года состоялось торжественное открытие железной дороги, которое стало большим городским праздником. Ейский порт получил весомую поддержку, а город — железнодорожное сообщение с Россией. Ейская казна энергичнее пополнялась за счёт прибыли от порта и железной дороги.

Несколько слов я позволю себе сказать о семье деда, Николая Филипповича Бельцева. Его судьба, как и судьбы многих ейчан, трагична, и трагична беспричинно. Службу в армии он прошёл в молодости в местной команде, так как был одним из лучших (по чёткому и понятному почерку) писарей в городской управе. Больше ни в какой армии не служил. Сыновей оберегал от общения с эксцентричными ссыльными студентами и лёгкими на руку озорниками. Был сдержан на язык и не поддерживал ни одну из партий. Много работал, чтобы обеспечить немалую семью и дать образование детям.

Год 1910-й. За праздничным столом на Керченской собрались:

- Мария Петровна — моя прабабушка;
- Николай Филиппович и Евдокия Викентьевна — мои дедушка и бабушка (с 1905 года бабушка по завещанию получила отчество Викентьевна);
- Наталья Николаевна с мужем Михаилом Бахтияровым и детьми Виктором и Евгенией;
- Георгий Николаевич, сын 20 лет;
- Антонина Николаевна, дочь 19 лет;
- Серафима Николаевна, дочь 16 лет;
- Пётр Николаевич, сын 13 лет;
- Василий Николаевич, сын 10 лет;
- Дмитрий Николаевич, сын семи лет;
- и Владимир Николаевич, сын трёх лет, мой отец.

Семья достигла вершины в своём росте и теперь решала задачу обучения и воспитания детей достойными гражданами города. Первенец Наталья, окончив гимназию, преподавала в ней русский язык и литературу. Георгий заканчивал обучение в Ростове, собирался стать инженером, Антонина после гимназии готовилась к работе оператором телефонной станции, Серафима — к поступлению в медицин-

ский институт, остальные грызли гранит науки в школах. Чтобы обеспечить осуществление этих программ, дед Коля трудился на нескольких работах, основной из которых была служба в городской управе. На бабушке лежали забота о доме и воспитание детей. Но вернёмся к городским делам.

Не упустил Ненашев и благоустройство города. Головной болью была непролазная грязь в распутицу. Не пройти и не проехать. До Ненашева с 1891 по 1898 год в камень были одеты мостовые вокруг Гостиного двора. Горожане спасались ракушками и во дворах, и кое-где по улицам для выхода к рынку. Ненашев использовал три направления в решении этой задачи. Вместо дорогого итальянского закупали дешёвый «коранский кубик» из Персии. Капитанам кораблей было настоятельно предложено везти в полупустых трюмах булыжник из Турции для оплаты портовых сборов, а египетский возчик, привёзший в порт пшеницу, обязан был доставить камень к месту работ. И третий путь — это совсем дешёвый керченский «сколок», которым мостили обочины дорог. Последнее можно увидеть и сегодня на мостовой от угла 1-й поликлиники к отделу полиции.

Решался вопрос и мощения тротуаров, для чего кирпичные заводы Марасиных, Кичиных, Сафоновых и других выпускали невы-

сокий, плоский, очень прочный тротуарный кирпич. При этом хозяева магазинов и контор мостили тротуар у себя за свои средства, а хозяева домов — участки тротуаров, прилегающие к их дворам, тоже за собственный счёт. В архиве имеется ряд ходатайств перед Думой о мощении своего участка тротуара перед домом за счёт средств города, ввиду неспособности хозяина оплатить такую сумму. За период с 1900 по 1910 год замостили все центры, подъезды к крупным ссыпкам зерна влиятельных крупных купцов и дорогу к порту и причалам. Теперь в любую непогоду суда загружались надёжно.

Освещение города. Центр города регулярно освещался с 1875 года. Вначале было 63 керосиновых фонаря на деревянных столбах. В 1897 году число фонарей выросло до 600. На их изготовление и установку складывались жители, а расходы на содержание брала на себя Дума. Большим событием для города стало строительство и эксплуатация электростанции. 1912 год был памятен горожанам этим событием. Хотя мало кто понимал, что в будущем мы попадём в полную зависимость от данного вида энергии, ведь в первый год всего 200 абонентов получило освещение, и только освещение. До остального мы будем идти шаг за шагом. Освещение улиц электричеством вы-

теснило керосиновые фонари. Электричество уверенно входило в дом ейчанина.

Рост денежных оборотов требовал и размещения в городе надёжных банков, но ходатайства об открытии Госбанка России отклонялись. Ненашев в 1898 году добился открытия филиала Екатеринодарского отделения Госбанка. В городе уже действовали отделения Азово-Донецкого банка и общественного банка под руководством купца Лопаты, который в 1916 году построил собственное здание, ныне занимаемое администрацией района.

В городе работали также Русско-Азиатский банк и отделение Русского банка для операций внешней торговли. Всё это обеспечивало динамичное развитие города.

Неудовлетворительное санитарное состояние города, высокая смертность и эпидемии заставили Ненашева поднять перед городской Думой вопрос о постройке больничного комплекса. Он состоял из трёх больничных зданий, амбулатории и двухэтажного здания для медперсонала. Отдельно — приёмный покой, кухня, прачечная, сараи и кладовые. Были центральное отопление, водопровод, канализация. Всё тщательно продумано: большой подземный резервуар, куда стекалась вода артезианских скважин, дождевые потоки с крыш зданий тоже попадали в этот резервуар, откуда вода

насосом подавалась во все здания больницы. Такого Ейск ещё не знал.

Подобного больничного комплекса не было на юге России. Первых пациентов больница приняла в 1907 году. Полное завершение строительства состоялось в 1915 году. В больнице работали два врача, три фельдшера, одна акушерка и 28 человек обслуживающего персонала. Для горожан в больнице лекарства были бесплатны, а лечение в стационаре — платным, хотя городской житель вносил 50 % стоимости. Амбулаторный приём вели бесплатно. Большие усилия прилагались и для улучшения санитарного состояния подворий и прочих городских территорий.

Рост торговли и деловых учреждений требовал и оперативной связи между конторами и портом. И в 1906 году в здании управы города была смонтирована телефонная станция на 63 номера. В один узел стали связаны полиция, пожарная, порт, больница, наиболее влиятельные и богатые конторы. Плата за телефон была высока. К 1910 году телефонная сеть расширилась до 200 номеров. В 1913 году вступили в строй связи с Екатеринодаром, Новороссийском, Ростовом-на-Дону, Азовом и Таганрогом. Затраты на устройство телефона покрылись доходами за один год. Появилась новая престижная профессия — телефонистка-опера-

тор. После гимназии моя тётя, сестра отца Антонина Николаевна работала телефонисткой.

Становление Ейска как курортного города и здравницы напрямую связано с именем Ненашева. Поиски питьевой воды, прекращённые в 1893 году, Василий Васильевич возобновил в 1910 году. Работы велись два года, и 17 августа 1912 года из скважины хлынул долгожданный фонтан. Вода, к сожалению, оказалась непригодной для питья. Но проведённый анализ качества сероводородной воды поразил знатоков — она превосходила по целебным свойствам воды пятигорских и горячеключевских источников. А близость грязей Ханского озера, известных своими уникальными лечебными характеристиками, привели Ненашева к мысли об открытии курорта. 30 апреля 1914 года он добился решения Правительства об этом.

Ейчане доктор Пласков и инженер Газенко составили план и организовали работу лечебницы. В 1915–1917 годах курортное значение Ейска стремительно росло. Об этом можно судить по цифрам роста числа пассажиров, перевезённых пляжной веткой железной дороги от вокзала на пляжи Ейской косы. Только билетной публики на шикарных пляжах косы перевезено в 1915 году — 60 тысяч, а в 1916 году — 123 тысячи. Начала работу и грязелечебница.

Хорошо понимая связь экономики и просвещения, Ненашев уделял его развитию большое внимание. При нём было построено прекрасное здание женской гимназии, открыта мужская, а также казённое реальное училище, высшее начальное и ремесленное училище, десять начальных школ. По качеству эти заведения не уступали и губернским. Во всём этом была видна главная роль городского самоуправления — надёжного института главы города.

Дума учреждала стипендии наиболее одарённым ученикам. Ненашев часто посещал уроки в школах, проверял знания учеников, поощрял юных ейчан. За активное попечительство он был награждён орденом Святого Владимира IV степени.

Заметно вырос и культурный микроклимат города. Это способствовало развитию талантов ейчан. В 1905 году было создано Общество любителей изящных искусств, проводившее интересные концерты и тематические вечера. Создаётся и общество «Просвещение», объединившее учителей и интеллигенцию. Было создано Общество дошкольного воспитания детей. В Ейске стала выходить газета «Ейский телеграф». В 1912 году начал работу Народный дом с театральным залом на 600 мест. В телеграмме Правительству Ненашев сообщал, что открытие посвящено 300-летию дома

Романовых, которое страна отмечала в марте 1913 года. В городе действовали два клуба — общественный и купеческий.

В этот период город приобрёл свой особый градостроительный облик, сохранившийся и по сей день. Архитекторы Ейска в начале XX века продолжили традиции первых градостроителей. Здесь впервые на Кубани было неизбежно установлено первым архитектором Иваном Жуковским строительство по «образцовым проектам». 24 типа домов, ворот, калиток и заборов предлагались застройщику. Дома располагались только по линии улицы, в глубине двора строилось всё вспомогательное. На улице должно было выходить не менее трёх окон. Дома должны были быть из кирпича, но из-за нужды разрешались и деревянные, саманные, но обложенные кирпичом. Кровли только черепичные или железные. Кирпич и черепица умелых ейских мастеров Марасиных, Качина, Сафонова, Ольховского и многих других.

Что же позволило совершить такой феноменальный рывок в развитии города, его благоустройстве, социальной сфере, экономике и культуре? Всё это мы вправе называть НАЧАЛОМ ЗОЛОТОГО ВЕКА ЕЙСКА.

Не ищите больших административных образований, созданных для реализации очень смелых проектов. В штате городского обще-

ственного самоуправления Ейска состояло 67 человек. В аппарате управы из этого числа находился 21 человек. 11 из них были писцы, которые к управлению городом не имели прямого отношения. Осталось десять человек: глава города, три члена управы, городской секретарь, бухгалтер, два столоначальника, архитектор и техник. Для любопытных приведу сохранившийся полный список служащих Ейского городского общественного управления, оставленный Ненашевым своему преемнику Чёрному.

СПИСОК

Должностным лицам, служащим в Ейском городском общественном управлении, которых следует удовлетворить жалованьем
за декабрь месяц сего 1915 года

№	Кому причитается выдача жалования	Сумма		
		руб.	коп.	
	Городскому голове Г. Чёрному	416	74	
	Членам управы:	Г. Шульгину	200	
		Г. Редовскому	125	
		Г. Усачёву с 11 декабря	83	34
	Городскому секретарю Г. Светличному	125		
	Бухгалтеру Г. Бондарь	125		
	Столоначальникам:	Г. Щупаковскому	96	74
		Г. Захарову	85	

№	Кому причитается выдача жалования	Сумма	
		руб.	коп.
	Писцам:	Николаю Бельцеву	85
		Михаилу Почекайлову	70
		Георгию Каширину	40
		Петру Ермилову	60
		Адриану Торяник	50
		Михаилу Яровому	55
		Пантелеймону Дмитриеву	55
		Родиону Косолапову	40
		Илье Коваль	45
		Дмитрию Клевцову	40
		Степану Ярошевич	50
	Городскому архитектору инженеру А. К. Газенко	166	72
	Городскому технику Александру Подушко	100	
	Базарному комиссару Дмитрию Щербакову	40	
	Базарному Фёдору Зинченко	35	
	Рассыльным:	Павлу Кириносенко	30
		Сергею Голощапову	30
		Терентию Ермилову	30
	Истопнику печей управы Борису Скобленову	23	
	Комиссару при управе Тимофею Ивкову	45	
	Комиссару по сбору городских недоимок Ф. Бездуднему	25	
	Сторожа по отчистке базара:	Григорию Коваленко	25
		Кондрату Батеха	22
	Городскому садовнику Павлу Вальковскому	55	
	Сторожа и сквера:	Михаилу Мурхачеву	18
		Ивану Богданову	18
	Сторожу постоянной пристани Николаю Москвитину	10	

№	Кому причитается выдача жалования	Сумма	
		руб.	коп.
	Терентию Герасименко	17	
	Стефану Лёгенькому	17	
	Матвею Карапуз	17	
	Дмитрию Овчарову	17	
	Корнею Тимонину	17	
	Ивану Акулинину	17	
	Антону Бышкину	17	
	Лаврентию Шевченко	17	
	Ивану Ефремову	17	
	Фоме Маловичко	17	
	Ивану Шерстюк	17	
	Фёдору Ефремову	17	
	Заведующему электрической станции инжен. Н.Д. Муратову	250	
	Машинисту Константину Домашевскому	90	
	Монтёру Александру Ефремову	45	
	Помощнику монтёра Григорию Полякову	35	
	Писцу Александру Мишенину	30	
	Ветеринарному врачу Г. Мозгалевскому	60	
	Комиссару городской скотобойни Ивану Балала	45	
	Семену Поляничко	20	
	Сторожа́м скотобойни: Григорию Бездробенному	20	
	Заведующему телефонной сетью Ивану Безумову	70	
	Рабочим: Никите Огурцову	45	
	Георгию Косинову	40	
	Тимофею Коломийцеву	25	
	Телефонисткам: Елене Сигаревой	35	
	Агафье Яворской	30	
	Вере Экелик	30	
	Наталье Лесик	30	
	Нине Безумовой	30	

№	Кому причитается выдача жалования	Сумма	
		руб.	коп.
	Клавдии Ветровой	20	
	Помощницам Марии Ермиловой	20	
	телефонисток Анне Дедешко	20	
	Евдокии Грабижевой	20	
	Прислуге Фёкле Ермилкиной	8	
	Сторожу для присмотра за клозетом в гостинном дворе Якову Сидельникову	22	
	Сторожу при свалке нечистот Федору Аксёнову	20	
	Сторожу при сеннике Трофиму Ткачову	15	
	Афишёру Григорию Рябикину	35	
	ВСЕГО: три тысячи восемьсот тридцать три руб. пятьдесят четыре коп.	3833	54

Три тысячи восемьсот тридцать три руб. пятьдесят четыре коп. выписать в расход по книге городских сумм из сумм, асигнованных по смете сего года, и выдать таковые означенным лицам за расписками в книге. Декабря 18 дня 1915 года

/ Городской голова
/ Члены управы
/ Бухгалтер

Все масштабные и смелые проекты Ненашев осуществлял, приглашая опытных и известных в стране инженеров и руководителей строек.

Если учесть те помехи творческим свершениям, которые вносили Русско-японская война, революция 1905 года и начало Первой мировой войны, то можно в полной мере понять, какие титанические усилия вкладывал этот незаурядный человек в процветание

и благополучие Ейска. И в городе Ненашева знали стар и млад, он проверял работу школ, беседовал с учениками и учителями, регулярно обходил рынки, следил за ценами и добивался их стабилизации или снижения, общался с грузчиками порта, бывал на сходах дрогалей и приказчиков, знал нужды каждого церковного прихода, регулярно участвуя в богослужении.

Бурная и напряжённая жизнь не обошлась без последствий. Диагноз «грудная жаба» (стенокардия, ишемическая болезнь сердца) был поставлен уже в 1910 году, в возрасте 48 лет. Болезнь прогрессировала, всё чаще выбивая Ненашева из рабочего ритма. Первая мировая война принесла не только материальные трудности, но и проблемы сотен солдатских семей, десятков, а затем и сотен вдов. Удалось закончить создание больничного комплекса и организовать его работу.

Врачи настаивали на длительном и серьёзном лечении. Так, осенью 1915 г. Василий Васильевич передал дела своему заместителю Чёрному и подал прошение об отставке.

Городская Дума на специальном заседании, ввиду особых заслуг Ненашева перед городом, постановила присвоить его имя одной из главных улиц города, больнице и учебному заведению. К сожалению, все эти справед-

ливые и заслуженные намерения остались на бумаге. Рассказывали, что Ненашев с ноября 1915 по март 1916 года отдыхал и лечился на Кавказских Минеральных Водах. Несколько окрепшим в марте он вернулся в Ейск, где продолжал лечение уже у своих врачей.

На 23 марта было назначено очередное заседание Думы. Василия Васильевича уведомили об этом по телефону и сообщили, что всегда рады его видеть и слышать его советы. К 11 часам Ненашев неспешно следовал по Воронцовскому, с улыбкой отвечая на приветствия знакомых. Вот и городской сад (сегодня — Никольский парк). В центре сада толпилась большая группа женщин-солдаток, встречающих членов Думы возгласами протеста. И тут женщины узнали и Ненашева. Он был окружён возбуждённой толпой, и в его адрес посыпалась брань. Попытки Василия Васильевича вступить в диалог не имели успеха — толпа была неуправляема. Вскоре две наиболее активные женщины, схватив Ненашева за рукава пальто, стали таскать его из стороны в сторону, пока в руках одной из них не оказался оторванный рукав. Из управления полиции бежали дежурные чины, а за ними депутаты Думы. Женщины кинулись врассыпную, а Ненашев, пошатываясь, бледный как полотно, искал свою шля-

пу. Его отвели в Думу, вызвали врачей и уложили на диван в бывшей его рабочей комнате. Вскоре возникли острые загридинные боли, и, несмотря на старания прибывших врачей, Василий Васильевич Ненашев умер.

Похороны бывшего главы города собрали многотысячную процессию горожан на площади Михайло-Архангельского собора. Нескончаемым потоком шли люди от восточных ворот ограды собора мимо гроба на постаменте и выходили через западные. Отпевал Ненашева сам протоиерей собора Иоанн Соловьёв.

Похоронен бывший глава города Василий Васильевич Ненашев в ограде Михайло-Архангельского собора 29 марта 1916 года.

Пришла пора вернуться к решениям Думы 1915 года, обсудить их ещё раз и принять решение об увековечении памяти о талантливом градоначальнике Ейска.

Так трагически окончился **ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕЙСКА, талантливо открытый Василием Васильевичем Ненашевым.**

Был этот век очень кратким, но он обеспечил превращение Ейского порта в современный, не уступающий по схеме погрузочно-разгрузочных работ любым портам мира. Резко возрос грузооборот, что увеличило приток де-

нежных средств в казну города, а это позволяло решать многие социальные проблемы.

Вторым мощным фактором развития и процветания города стало строительство железной дороги, усилившей подпитку порта и обеспечившей прямую товарную и пассажирскую связь с любой железнодорожной станцией страны.

Новый уровень здравоохранения, открытие гимназий и десяти школ, мостовые, освещение улиц, электростанция, телефон, Народный дом — всё это признаки процветающего города, уверенно идущего на подъём. На Кубани в те годы не было города, который мог бы соперничать с Ейском. Было ещё немало нерешённых проблем, но ГОРОД СОСТОЯЛСЯ.

Появились надёжная, мощная система накопления финансовых средств и разумный аппарат реализации возникающих проблем при полной прозрачности прихода и расхода денег. Сотни малых городов России, таких как Рамонь, Грязи, Ряжск, Петровск, десятки малых городов Золотого кольца России, получив по указу императора статус города, толклись в кругу торговли и малых производств. Для рывка и роста нужен был особый ключ. Таким ключом для Ейска стал ПОРТ. Отсюда и рост населения, и его благополучие.

Показателем этого благополучия в сравнении с другими городами и весями империи мог бы стать обыкновенный ейский БОРЩ на столе наших предков. Учёный, кубанский историк и статистик Ф. А. Щербина, хорошо изучивший Ейск, утверждал, что в городе не было семьи, у которой бы на обеденном столе регулярно не дымился и благоухал мясной, наваристый борщ.

Однако после 1918 года у города отняли доходы порта и железной дороги, надолго ликвидировали производство кирпича — основы строительства. И предприимчивый город медленно искал новые приоритеты в развитии промышленной переработки продукции окрестных полей, а также прочей промышленности.

Очередная беда в город пришла неожиданно. Ретивые чиновники края, присвоив себе функции центральной государственной власти, отняли у Ейска статус города. И гордость Кубани, один из первых её городов, превратили в заштатное «ГОРОДСКОЕ поселение». Можно утверждать, что объединение города и района прошло на базе референдума, на котором горожане поддержали эту идею после многочисленных встреч с руководством края.

Но ведь на этих встречах никто не сказал, что мы лишимся статуса города и что наш бюджет сократят с восьмисот миллионов до трёхсот пятидесяти. Это чистой воды обман, и нам надо добиваться нового референдума и возвращения статуса ГОРОДА.

Подведём итог СЕМНАДЦАТИ годам правления городом Ненашева. Ейский ПОРТ стал настоящим портом, и вот уже более века только усовершенствует свою структуру. Город приобрёл черты цивилизованного места поселения и за последние 100 лет лишь терял лучшие объекты ЗОЛОТОГО века. Гимназия, десять начальных школ, ремесленное и рукодельное училища — это не пресловутые ликбезы, а подлинная ликвидация безграмотности населения. Новый больничный комплекс с льготным для ейчан лечением и бесплатными лекарствами обещал с ростом доходов стать заметной здравницей города. Удручало бесправие человека труда, нужен был действенный профсоюз, и этого ждала вся Россия.

А Ейск, как вся страна, был накануне ВЕЛИКИХ ПОТрясений.

Ейский морской порт

Ейск. Городская управа. Вид с улицы Керченской (Советов)

Ейская железная дорога. Начало XX века

Г. Ейскъ Куб. обл. - Железская Гимназія

Недѣлю Фотографа М. Сивѣева

71113

Железнодорожный вокзал Ейска, вид с перрона. Начало XX века

Гостиный двор. Начало XX века

Тяжелый недуг поразил вождя в возрасте 52-х лет, то есть в расцвете творческой деятельности. Но был финал болезни, которая началась 10–15 лет назад. Фактически Революцией, Гражданской войной и новым государством управлял крайне нездоровый, и жестокий человек

Надежда Константиновна Крупская с ейскими комсомольцами — 1926 год

Чрезвычайная тройка объезжает подворья вышедших из колхоза

Изъятие продуктов у семьи

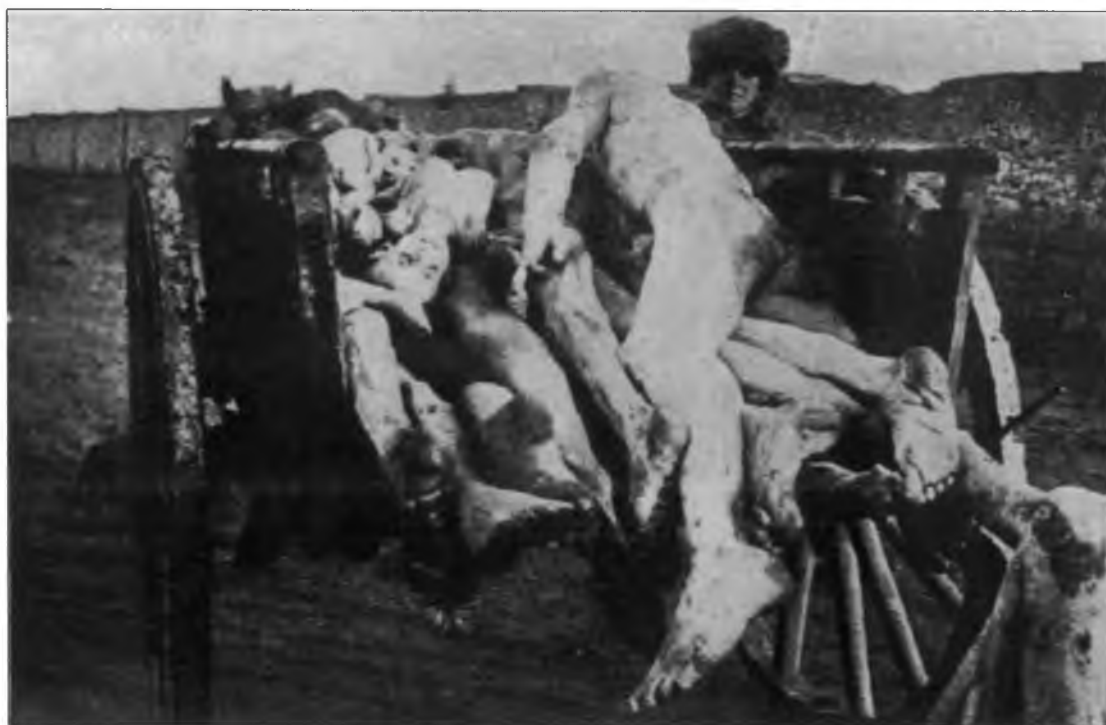
Комсомольский отряд по изъятию зерна и продуктов питания объезжает подворья вышедших из колхоза и даже не состоявших в нем

Изъятие зерна и других продуктов из тайника

Обреченные на голодную смерть

Так в последний путь увозили семьи вышедших из колхоза ейчан наказанных за «саботаж». Их не фиксировали в ЗАГСе, раздевали догола по дефициту одежды и сбрасывали в ров на кладбище

**ЕЙСК В ВИХРЕ БЕСОВСКИХ
БУРЬ XX ВЕКА**

Проступая ко второй части повести, хочу предупредить возможного читателя о том, что это не историческое исследование, которому ещё недоступны многие архивные документы бывшего партийного архива края. Это удел будущих исследователей. У нас на сегодня лишь скудные измышления, одобренные партийными лидерами «историков», таких как Половинкин и ему подобные, лакировавшие любой негатив советской власти, искавшие революционность в хулиганах, разболтанных студентах, ворах и бандитах. Оценку значимым для Ейска событиям даю по редким архивным материалам, воспоминаниям родственников и знакомых ейчан (что не всегда объективно) и собственным оценкам. Хронологии событий не соблюдал.

Не новое для нашего слуха понятие «бесы» многим знакомо по произведению А. С. Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде». Умный, трудолюбивый, находчивый простолюдин умело наказывает погрязшего в грехах попа и расправляется с бесовской братией. Эта тема и тогда была не нова. Но на основе глубокого анализа состояния различных слоёв русского общества великий русский мыслитель и гражданин Фёдор Достоевский чётко определил понятие бесов, бесовщины, дьявольщи-

ны как составного процесса вырождения, базирующегося на трёх китах:

- распущенности и половых извращениях,
- психических болезнях,
- физических, генетических деформациях организма.

Когда говорят о бесах, не надо искать обросших волосами, с хвостом и рожками особей — это народная фантазия. Всё сложнее и подчас проще. Бес может предстать в облике элегантной и красивой женщины или горбатой и беззубой старухи, стройного чиновника или бесшабашного гуляки. Надо увидеть то, о чём писал Достоевский. Эта способность приходит с годами, с опытом. Если церковь (которая в разгул бесовщины тоже несёт ущерб в плане моральных устоев) зовёт к прочным семейным узам, к почитанию старших, ко всему светлому и доброму, а некая особь беснуется и за сутки меняет ряд половых партнёров, то вряд ли у кого будут сомнения в её бесноватости.

И за примером далеко не пойдём. Начнём с самого верха. Партийная пропаганда в поисках субъекта для замены Бога и религии вела большую работу по созданию культа ЛЕНИНИАНЫ, вознося Ильича и его семью на недостижимую высоту. А он, как и все мы, грешные, имел большой набор человеческих слабостей.

Вождь мирового пролетариата, «кремлёвский мечтатель» В.И. Ленин мстил не только за казнь брата Александра. «Мы не пойдём таким путем», — сказал Ленин о брате Александре и семья вступила в жестокую революционную борьбу, в самую круговерть бесовщины.

Без сомнения, Ленин знал тяжёлые уроки пугачёвщины и всё же повёл страну по этому пути. Он оказался удачливее Емельяна Пугачёва, и установленная им власть в России отбросила страну по всем ведущим позициям назад минимум на 50 лет с уничтожением многих миллионов крестьян, интеллигенции, дворянства и духовенства. Изобретённые, надуманные в многотомных трудах вождя мирового пролетариата формы экономики на поверку оказались убыточно нереальными и привели страну к краху. И только могучий интеллект и трудолюбие народов России удержали страну от гибели. Какой УЖ ТУТ ГЕНИЙ! Твёрдая убеждённость вождя в том, что крестьянство постоянно порождает капитализм, привела к тому, что успешных и трудолюбивых хлеборобов страны объявили врагами и начали колхозную эпопею, превратив жителей села в уже знакомых крепостных, не имеющих права даже на Юрьев день.

Невероятная литературно-политическая плодовитость Ильича перешагнула 130 томов

наследия вождя. Партия безмерно гордилась этим, почти не понимая, а подчас и не читая эти труды вовсе. А это легло не только на полки библиотек, но и в то учение, что мы называли ленинской теорией коммунизма, или ЛЕНИНИЗМОМ. Трудно найти что-либо авторитетное у Жириновского, но его определение этого учения, на мой взгляд, ближе к истине. Ленинизм, — пишет он, — это вульгарный, демагогический, ханжеский, псевдоинтернациональный нацизм с заметным антирусским уклоном. Грубо, жёстко, но близко к истине.

Грубое упрощение многих социально значимых понятий встречается очень часто. Особенно в определениях коммунизма как образа жизни людей и сроках его наступления. Один Хрущёв был точен, когда заявил, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. И это прозвучало в то время, когда начинались крупные проблемы с элементарными продуктами питания. Демагогическая практика с преднамеренным извращением фактов, лживые обещания, лицемерное подлаживание под вкусы и взгляды малограмотных масс для достижения своих политических целей. И везде ложь и ложь, прикрытая авторитетом Маркса, Энгельса, замысловатыми терминами политиков, чуждых русским. Бесперывная политическая борьба, нелегаль-

щина — все три критерия по Достоевскому налицо и, как неизбежность, тяжёлая болезнь, обезображенная личность, печальный удел Ильича как кара за бесчисленные и бессмысленные смертные грехи против России.

Не менее печальной была и судьба его официальной спутницы жизни Надежды Константиновны Крупской. Дочь неудачника, царского офицера в семье слышала много негативного о царизме, что привело её в стан революционеров и свело с Лениным. Верный помощник, секретарь вождя смиренно терпела любовные треугольники супруга с такими же бесноватыми соратницами. Не найдя своего места в составе партийной элиты большевиков, во время тяжёлой болезни и после смерти мужа она спилась.

Волею случая ко мне в Совет ветеранов города пришла пожилая женщина. В Совете в это время работала по итогам года группа контроля краевого Совета. Но женщина была возбуждена и настойчива — мне пришлось удалиться с ней и выслушать. Она была возмущена развалом комсомольской организации станицы Ясенской и поведением краевого руководства комсомола, приехавшего на планируемое собрание, но запьянствовавшего на косе Долгой и не прибывшего в Ясенскую, где их ожидала небольшая группа комсомольцев колхоза,

с трудом собранная партийным активом колхоза, и Юрий Тарада, внештатный наставник районного комсомола. Я ей посоветовал пойти к работникам комсомола, но женщина отказалась и передала письмо и уникальную фотографию. Представилась она Верой Дмитренко, сестрой Мариамны Ивановны Дмитренко, коренной ейчанки. Их сестра, по мужу А. И. Аболина, 1902 года рождения, член ВЛКСМ и КПСС с марта 1920 года, член инициативной группы по созданию в Ейске комсомольской организации, участвовала в отражении десанта Улагая. Доброволец 9-й Красной армии. Она кончила Тимирязевскую академию. Кандидат, доктор биологических наук, профессор. С 1975 года на пенсии. В 1937 году они вместе со старшей сестрой посетили Н. К. Крупскую. Еле разбудили её в полдень, накинули халат, и ейский фотограф, который прибыл с ними, сделал этот снимок. Невысок уровень деятеля партии и вдовы вождя мирового пролетариата, позволившей сфотографировать себя для ейских комсомольцев в таком виде. Печальный итог бесовщины.

Два основных, фундаментальных вопроса надо было решить в стране. Первый — это изъять земли у всех собственников и от государства наделить ею крестьян, работающих на ней. Второе — обеспечить восьмичасовой

рабочий день трудящимся и их социальную защиту. По этим и многим другим насущным проблемам страны предстояли нелёгкие споры, но и несомненные победы РАЗУМА. Однако владычество БЕСОВЩИНЫ в те годы привело партию нарождающегося пролетариата к власти в сугубо крестьянской, земледельческой стране. Разве ГЕНИЙ не мог предвидеть, что поднять образование и просвещение народа невозможно без интеллигенции и научных кадров, или поднять экономику без учёных и практиков-инженеров, а также накормить страну без преуспевающего крестьянства? Нет он предвидел и понимал это, когда вынужден был прийти к НЭПу (новой экономической политике). Но это было вопреки Марксу и его замыслам. Террор (если кто будет удивлён, то полистайте книги реабилитированных по Краснодарскому краю, а это уже спустя 15 лет после окончания Гражданской войны), ночная практика арестов КГБ — всё это накрепко завязало рты оппонентам и шутникам на социально-политические темы.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Предпосылки к процветанию бесовщины всегда есть, но толчком к её мощному развитию стала Первая мировая война. В Сараево был убит эрцгерцог Фердинанд. По этой причине 15 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 19 июля Германия объявила войну России как защитнице славянских народов. Теперь уже мировая бесовщина ринулась перекраивать мир, делить колонии и рынки сбыта.

Этот джинн был выпущен из бутылки преступными правителями Австро-Венгрии и Германии при попустительстве других правителей Европы в июле 1914 года. Началась Первая мировая война. Бесовщина расправила крылья, вторгаясь в жизнь городов и сёл, в умы доселе послушных и порядочных, но морально неустойчивых обывателей, поднимая всю муть и нечисть к вершинам власти, извращая понятия добра и зла.

Торжество бесовщины в России поднялось на небывалую высоту в 1917 году, после отречения императора Николая Второго. Рухнул стержень, основа порядка и управляемости государства. Началась острейшая борьба легальных и вышедших из подполья нелегальных партий. Народ ничего более понятного и извечно желанного, чем лозунг «ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ, ФАБРИКИ И ЗАВОДЫ — РАБОЧИМ», не видел и стал под знамёна большевиков. А следующий лозунг: «Простая кухарка сможет управлять государством» — изрядно смутил значительную часть великих тружениц, российских женщин-матерей, растивших семьи по 8–12 детей и обеспечивших уверенное заселение свободных просторов Кубани, Ставрополья и на восток до Урала. Ещё бы лет 50, и проблем с народонаселением в Сибири и далее до Сахалина не было бы. В 1917 году смрад бесовщины усилился и в Ейске.

Первым серьёзным и ощутимым ударом бесов в Ейске стало убийство человека, отдавшего городу свои талант, здоровье и жизнь, — убийство Василия Васильевича Ненашева. Неожиданно? Странно? Парадоксально? Ничего подобного. Вся бесовщина базируется на парадоксе, а не на логике здравого смысла. И она к этому времени в Ейске уже набрала уверенную силу.

Поражения в войнах, как правило, ведут к социальным потрясениям. Так было при поражении России в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Ослабление властных структур, их удручённое состояние и растерянность неизбежно привели к вспышкам справедливого протеста бедствующего населения. Этим воспользовались лидеры гласных и подпольных организаций. Развернулись революционные события 1905 года. Если в столицах и некоторых крупных городах существовали в подполье хорошо подготовленные боевые группы, то в провинции, и в том числе в Ейске, всё это было в зачатке.

Но вот бесовская муть повсеместно поднялась в полный рост. 19 октября 1905 года шествие протеста начали дрогали и грузчики от порта к Народному дому, где и состоялся митинг. На митинге о проблемах грузчиков выступил 38-летний Василий Гаврилович Михайличенко, а после него, с требованиями разогнать полицию и ликвидировать самодержавие, — 17-летний Афанасий Кольцов и его друг, 15-летний Александр Архангельский. В 1907 году он был арестован в подпольной типографии в подвале дома братьев купца Капустина на углу Керченской (Советов) и Елизаветинской (Янышева), за что был осуждён на год

тюремного заключения. Что в жизни видели и куда поведут народ эти сорванцы?

Активизировались и псевдореволюционеры. Так, в 1907 году мещанин Макар М----я был задержан с поличным при попытке получить у богатого ейчанина крупную сумму денег якобы для боевиков партии анархистов-коммунистов. Личное обогащение не состоялось — он был осуждён. Однако гораздо опаснее оказалась воровская и бандитская волна, захлестнувшая всю страну. Полиция не справлялась, и тогда по Кубани прокатилась волна самосудов. Был самосуд и в Ейске. Уличены были братья П----ы, и к их дому собралась громадная толпа ейчан. Братьев выволокли во двор и долго избивали при выносе из дома предметов похищенного. После этого толпа погнала их на обрыв Таганрогского залива, где, избив до полусмерти, сбросила к морю. Самосуды почти год процветали на Кубани, и только введение военного положения сбило и волну преступности, и дикие расправы. С 1907 года жизнь вошла в обычное русло, но, к сожалению, ненадолго. Война диктовала свои правила жизни, отодвинув на второй план экономическое и социальное развитие. Росло недовольство бедственным положением солдаток, вдов и трудового населения города. Вершиной торжества бесовщины стал 1917 год. Отречение Николая II было сиг-

налом начала великой смуты. Рушился фронт, в город прибывали солдаты-ейчане с оружием.

Городская Дума теряла способность управлять делами. В город прибыл Иван Хижняк в казачьем мундире с тремя Георгиевскими крестами на груди, но люди хорошо помнили его юношеские набеги с друзьями на торговые возы станичников на ейском рынке и несколько позже — вооружённые грабежи на дорогах района. За эти дела он и его банда получили большие сроки, но по желанию им была предоставлена возможность смыть позор в боях с врагом в Первой мировой. Иван в сражениях был смел и дерзок и за ряд отчаянных дел получил высокие награды. И теперь, уже в другой ипостаси, ходил среди людей, которые в былые времена ловили его за совершённые преступления и вершили над ним суд.

В город также вернулся из тюрьмы известный насильник Колосов. Одна из жертв в борьбе откусила ему нос, сделав его особо приметным. С ним прибыл ещё ряд лиц, ранее не ладивших с правосудием. С середины 1917 года легализовалось всё подполье, и митинговая деятельность не умолкала ни на день. В своих воспоминаниях (ЦНД, фонд 1774-р, дело 247, стр. 1–13) ейчанин, член РСДРП с 1927 года Ф.Н. Балала описывает бурные события 1917 года. Митинги, непрерывные собрания в Народном доме,

погром и разграбление большого гастрономического магазина купца Вазео, закрытие всех частных предприятий, в том числе и множества кирпичных заводов, пополнявших казну города, и наконец требование переизбрать Думу. В августе состоялись выборы в новую демократическую Думу и управу. Пока в них преобладали либералы, эсеры и меньшевики с небольшим процентом большевиков и свободных рабочих. Заседания шли почти непрерывно, на них приходили и выступали все, кто хотел. Все требовали денег и пособий. Возникли проблемы с продовольствием.

НАПАДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА ЕЙСК

Бесовская суть, скопившись на малом пространстве молодого портового города России, искала достойный акт своего торжества. И он вскоре определился.

Несмотря на то, что ряд частей, наводнивших Ейск, подчас имел только громкое название и в основном полный комплект лишь руководящего состава, в Ейске собралось небывалое количество вооружённых и плохо управляемых людей. Планового снабжения продовольствием и фуражом, конечно же, не было, и поэтому каждый командир обеспечивал своих подчинённых по собственному усмотрению. Найти что-либо в городе было трудно, не показывая своей нелюбезной, а иногда и элементарно бандитской сущности, поэтому вооружённые отряды заготовителей ехали в окрестные станции и силой брали всё, что им было необходимо, расплачиваясь в лучшем случае распиской об изъятии. К примеру, 2-го мая 1-й Ейский

революционный полк выдал расписку ейчанке Дарье Андреевне Шутка о том, что у неё реквизированы два стола и пятнадцать стульев, а у Никиты Пальщикова — двадцать пять пудов сена.

В станицах подобная конфискация редко обходилась без применения силы. Так, работая в музее станицы Старощербиновской, я познакомился с автором книги «В степях порубежных», местным историком Николаем Таможниковым. Разговор зашёл об известном казачьем есауле Сидельникове и его банде, наводившей страх на органы новой власти. Историк станицы посоветовал мне не вешать на него ярлык бандита. Он рассказал, что в семье есаула, лояльного к новой власти казака, вернувшегося с фронта, готовились к свадьбе сестры. Самогона наварили много, но мужчины поехали в Ростов закупить хорошего заморского вина. А тут нагрянули очередные реквизиторы. Поживились зерном, забили свинью и собрались было уезжать, как один из реквизиторов обнаружил четвертные бутылки с самогоном. Банда уселась за стол «сырно» во дворе и потребовала закуски. Пьянка разгорелась солидная и завершилась изнасилованием сестры-невесты, жены и матери Сидельникова. Набрать отряд мстителей не составляло труда, и пошла слава о банде. Зверел казак от такого самоуправства

и унижения. Неудивительно, что к маю глухое и тяжёлое озлобление против города, из которого ежедневно в станицы шли вооружённые отряды реквизиторов-конфискаторов, переросло в вооружённые восстания против таких набегов. Вернувшиеся с фронтов казаки легко были подняты для борьбы с «ненасытным городом». Поход на город возглавил казачий полковник Подгорный.

Третий день Пасхи, 7 мая, был намечен для сбора отрядов и выдвижения к городу. 8 мая ревком города получил проверенные сведения о волнениях и сборах казаков в станицах отдела и создал Военный совет для организации отпора мятежникам. Однако, как выяснилось, командиры разместившихся в Ейске частей не спешили выступить на защиту города. Матросов же флотилии «по борьбе с контрреволюцией» вообще не могли собрать. Они пропадали у девиц в скандально известном заведении на Торговой (сейчас Октябрьской) улице и у многочисленных вдов и солдаток.

Тогда Военный совет объявил немедленную мобилизацию горожан-фронтовиков, большинство из которых вернулось домой с оружием. На сборном пункте возник стихийный митинг горожан, длившийся непрерывно три дня, с 8 по 10 мая. А 10 мая к Ейску уже подошли первые казачьи отряды.

Особую активность на митинге проявили ейчане матрос Леденёв и прапорщик Клочко, требовавшие, чтобы город обороняли не горожане, а расквартированные в нём части. 10 мая ревком арестовал «контру», спор прекратился. И 12 мая в строю защитников Ейска стояли уже 3500 ейчан, а женщины и подростки рыли окопы по всему периметру города.

Вернувшись с фронта ейчанину, врачу Михаилу Ивановичу Панову была поручена организация медицинского обеспечения защитников города. Он оперативно создал три передовых медицинских отряда во главе с врачами Галкиным, Петровым и Леонтьевым. Ейск, почувяв беду, день и ночь готовился к обороне.

С 10 по 13 мая казачьи отряды взяли город в плотное кольцо. В ночь с 13-го на 14-е Ейск не спал, в нескольких местах станичники просочились на городские окраины и устроили избиение подвернувшихся под руку. Угрозы вырезать Ейск встревожили всех от мала до велика. Не дожидаясь штурма, отряды защитников города на рассвете 14 мая перешли в наступление. Жестокий бой завязался по всему периметру городской обороны. Ближе к полудню латыши, понимая и свои риски, выдвинули платформу с двумя пушками ближе к Широчанке и накрыли шрапнелью казачьи конные резервы у командного пункта. Полковник Под-

горный, не ожидавший артиллерии, вынужден был отвести свой левый фланг от тюрьмы (ныне гарнизонная баня) и начать отступление на Старощербиновскую и далее на Екатериновку.

Конные отряды частей гарнизона преследовали отступавших, вступая в короткие стычки почти у каждого населённого пункта. Последний бой казаки рдеющими силами дали к вечеру 23 мая под Екатериновкой и в ночь бесследно исчезли. Да и у преследователей силы были на исходе, а потери убитыми и ранеными каждый день росли.

Сотни убитых казаков были свезены в один из карьеров на Кирпичиках (микрорайон кирпичных заводов), и там впоследствии жители организовали небольшое кладбище, о судьбе которого мне рассказал наш земляк, живущий недалеко от него. Это Руденченко, известный автор многих публикаций о событиях городской истории, происходивших на его глазах.

Казачество наших окрестных станиц, уяснив ситуацию, поняло, что в грабежах и насилии вины городского населения нет, собрало представительную делегацию около двухсот человек и с миром и покаянием пришло в Ейск. Ейчане приняли мир. И не только потому, что большинство из них обладали покладистым и миролюбивым характером, но и потому, что к этому

времени уже окрепли семейные и деловые связи между городом и станицей. Точных данных о потерях ейчан нет, но все лазареты, а их было открыто восемь, в те дни работали в полную силу. В боях погибли более сотни жителей города, и среди них Иван Балабанов — командир первого революционного полка. Погибших в боях хоронили торжественно всем Ейском. Хозяин похоронного бюро Чижов оказывал свои услуги бесплатно. Получившим ранения выделили помощь из городской казны.

БЕСОВСКИЕ МЕЛОЧИ

Пока ведущая бесовщина искала и готовила почву для солидных дел, бесовская мелочь потешалась от души.

В 1919 году домой вернулся поручик Василий В-----н. Жена Варя и трое детей были на седьмом небе от счастья. Но судьба не всегда была так благосклонна. Он родился в бедной семье курских крестьян, прибывших на поселение в Ейск, болезнь скосила всех, кроме малолетнего Васька. В приюте его заметил священник как смышлёного и способного к обучению парня и помог в обучении. Василий, окончив гимназию, стал учителем в начальной школе. Встретил тоже осиротевшую дивчину Варю, и создали они семью. Война 1914 года призвала его в армию и сделала взводным, а затем и командиром роты.

Развал армии коснулся и Василия. Прощаясь, он, как и другие, приглашал в Ейск своих сослуживцев. Нежданно прибыли трое,

и в скромной хате поручика состоялся ужин. Хозяева накрыли стол, а гости не жалели самогона. Уснула хозяйка с детьми, свалился и хозяин. Гости ушли спать в сарай на сеновал. Кто закрыл вьюшку печи, в 19-м году некому было разбираться. Гости похоронили сразу пять человек и остались в Ейске, в доме радушных хозяев.

ТРАГЕДИЯ «КРАСНОГО ДЕСАНТА»

1918 год. После провокации Льва Троцкого (Бронштейна) в Брест-Литовске германо-австрийские войска 18 февраля начали широкое наступление по всему фронту. На юге оно было остановлено только у Батайска и под Таманью. Это привело к тому, что на юг, к относительно благополучным житницам страны, потянулись отряды и части с громкими революционными названиями, подчас не подчиняющиеся никому и избирающие место дислокации решением своих командиров или полковых (отрядных) комитетов. К весне в Ейске находились 1-й, 2-й и 3-й Ейские революционные полки, 3-й революционный Кавказский полк, 1-й Кубанский революционный полк, 2-й Северо-Кавказский полк, 1-й Черноморский полк, Отдельный советский Никольский гусарский полк, 1-й Екатеринославский полк, Ахтарский полк, 4-й Ахтарский полк, Урупский отряд, Масловский отряд Ростовской партийной ор-

ганизации советской власти, Каменный отряд, 2-й Таганрогский партизанский сводный отряд, 2-й Жлобинский отряд, революционный Староминской батальон, Черноморско-Азовская военная флотилия по борьбе с контрреволюцией...

В том же 1918 году, после поражения под Тихорецкой Северо-Кавказской Красной армии, а позже 11-й армии, ее главком Калнин был заменён Сорокиным и увёл своих латышей на отдых, разместив штаб в Ейске на железнодорожной станции, в вагонах специального эшелона — бронепоезда, имевшего две пушки и хорошо укомплектованную пулемётную команду, паровоз и паровозную бригаду. Во время отсутствия Калнина бронепоездом управлял Сигизмунд Клово, бывший офицер интендантской службы царской армии. Он был родом из Таганрога, где его брат Август Клово работал на кожзаводе, а в составе Красного десанта исполнял обязанности начальника снабжения.

В июне 1918 года бесовщина над Ейском стугустилась настолько, что ей был необходим достойный выход, и он был найден. Эйфория после разгрома казачьего налёта на Ейск была высока, и Сигизмунд Клово, тесно общаясь с земляками из 2-го Таганрогского партизанского отряда, бежавшего в Ейск, проникся идеей высадки десанта в Таганроге и освобо-

ждения Ростова от немцев. Его с псевдореволюционной горячностью поддержал Гернштейн, командующий Азовской военной флотилией, созданной в мае 1918 года. План обсуждался на Ейском отдельском военном совете. ЭТО БЫЛ ПРАКТИЧЕСКИ РУКОВОДЯЩИЙ ОРГАН ГОРОДА И РАЙОНА (председатель Ейского отдельского исполкома Ф.И. Кныш, политкомиссар Шемелинов, И.А. Хижняк, Лебедев, Синегубов, Падалко...).

Противниками плана, предложенного С. Клово, выступали И.А. Хижняк, В.П. Лебедев, Синегубов и другие, но горячие революционные речи таганрожцев и Гернштейна взяли верх, и план был принят. Документально неизвестно, что план утверждал Калнин (он не мог идти против Ленина), но и не возражал против руководства десантом С. Клово.

Итак, утром 3 июня 1918 года началась посадка десанта на суда на виду у жителей города и немецких аэропланов, ежедневно круживших над городом. Только 6 июня последний корабль десанта покинул Ейский порт. На верную гибель отправились 8 тысяч пехотинцев, две с половиной тысячи кавалеристов при 60 орудиях и 120 пулемётах.

Был там и санитарный отряд мобилизованных под угрозой расстрела медработников Ейска, в котором состояла и сестра моего отца

Серафима Николаевна Морозова. Они с подругой, увидев расстрел бредущих по воде к берегу бойцов, вернулись на свой корабль, а с ним и в Ейск. Их фото я видел на стенде в музее. Они были удостоены звания КРАСНЫХ ПАРТИЗАН. 70 медсестёр были захвачены немцами, приведены на берег, раздеты догола и расстреляны.

Как и предполагали противники десанта, «славные мореходы» Гернштейна, не зная лодий, посадили на мели баржи десанта в 15 километрах от Таганрога, на удалении от берега от 1000 до 2000 метров. Десантники к берегу шли по грудь в воде, с трудом переносили оружие и боеприпасы, лошадей спускали на верёвках. Десантирование длилось три дня. Плавающая батарея успешно прошла к Таганрогу и провела теперь уже никому не нужную бомбардировку города.

11 июня начались первые стычки с подошедшими немецкими частями. Бои длились ещё два дня, а дальше пошла повальная сдача в плен. 14-го утром немцы доложили о ликвидации десанта. Была жестокая расправа с десантниками. Бойцов строили на берегу и расстреливали из пулемёта, такая же участь постигла и население посёлков, помогавшее десантникам. 8 тысяч погибших — бесславный итог бесовской авантюры. Памятники в По-

ляковке, Бацманове и ещё в пяти селах прибрежья Азовского моря далеки от тех, кто мог бы им поклониться. Организаторы авантюры «главком» Клово и флотоводец Гернштейн благополучно вернулись в Ейск.

Кстати, ейчан в составе десанта было не так много, как об этом пишут некоторые авторы. Этому десанту посвящён ряд работ и воспоминаний, но самым полным и точным, хотя и с большевистским задором в свете «мировой революции», является брошюра «КРАСНЫЙ ДЕСАНТ» под редакцией К. В. Губарева и Д. И. Боброва издания Истпарта Тагокружкама ВКП(б) 1927 года (Ейский районный архив).

В заключение можно сказать, что десант для советской власти и лично В.И. Ленина был ПРОВОКАЦИЕЙ, направленной на срыв Брест-Литовского мира. По этой же причине И. А. Сорокин, обвиняемый в предательстве десанта и стоявший с 11-й армией на демаркационной линии между Батайском и Ростовом, не вмешался в дела десанта. Само выступление против немцев в тех условиях было безграмотным и безумным.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЕЙСКЕ

Всплеск неразумных действий (бесовщины) в городе произошёл 22 января (по старому стилю) 1920 года. Подпольная организация большевиков под руководством прибывшего с Украины Кухаренко (это была подпольная кличка ейчанина Василия Матвеевича Норенко, сына отставного унтер-офицера из ейских мещан), собрав 84 единомышленника, в три часа ночи дерзким рейдом обезоружила формирующиеся подразделения марковцев в бывшей церковно-приходской школе при Покровской церкви (ныне школа №5), общежитие бежавших из Петербурга от красных офицеров, временно разместившееся в пустующем казначействе города (ныне 1-я поликлиника), и подразделение казаков, присланных в город для поддержания порядка. О данном событии писало много авторов, трактуя происшедшее

в основном как победу и установление советской власти в городе. Но при этом не упоминалось, что революционная эйфория утихла после того, как на второй день ревкому удалось сбить мощные висячие замки с дверей подвального винного склада, там, где сейчас расположен кинотеатр «Премьер», и начать повальную дегустацию заморских коньяков и вин.

Но если посмотреть на военную обстановку тех дней, то, несмотря на неудачи деникинских войск, помощи повстанцам ждать было неоткуда. А значит, впереди был неминуемый разгром. Что и случилось через четыре дня, когда на подавление восставших были брошены части генерала Маркова. Жестокость подавления трудно осуждать — шла Гражданская война. Интересны воспоминания активного участника этих событий, одного из каменщиков (по его выражению) Василия Зубив, жителя Нахичевани, которые он в двух вариантах представил в краевой партархив в 1926 году (фонд 2830, дело 575). Невысокой грамотности человек откровенно писал о том, что другие вуалировали. Был он в городе недолго, путал названия улиц, церквей и площадей, но позиции партийные выдерживал чётко. Он поведал нам, что Ейск издавна (насколько?) считался гнездом реакции. «И если баба, живущая, — писал он, — на Украине, знает, с чем варить

сегодня борщ, то другая баба на другом конце города не могла развиваться смелым и вольным мыслям». Тарабарщина! Уж если хочется что-то сказать о ейском борще, то цитируйте Щербину, который утверждал, что в Ейске нет семьи, которая на обед не имела на столе наваристого борща.

Абсолютно правильно, что в Ейске не было пролетариата. Преобладало зажиточное крестьянство, и даже на многочисленных кирпичных заводах трудились только семьи. Купец, приказчик, дрогаль, учитель и чиновник в разряд бедноты не входили, и поэтому творить революцию было некому.

И вот сюда, в город Ейск, пишет Зубив, в силу различных причин во второй половине 1919 года попадает несколько человек-«каменщиков» (пожалуй, по образцу тайных обществ, популярных в России в XVIII–XIX веках) для борьбы. Это в первую очередь Кухаренко, он же Норенко, далее Вениамин, Зубив, Мелехин, десятки и сотни ростовчан, жителей Азова, Глафировки, Ей-Укрепления, прослышавших о бегстве ейских купцов и пустующих хоромах. Кто-то из них — с революционным порывом, а кто-то — с целью наживы. Власть захватили, начали формировать подразделения защиты из ейских дезертиров и актива бедноты с Рога и Нахаловки (Низовки). Но части

генерала Маркова смяли этот хлипкий заслон и гнали восставших на лёд залива и лимана. Плохо одетые люди бежали по льду к Таганрогу и Глафировке, замерзая в пути. Сотни бездарно погибших, как дань идее «каменщиков», которые нашли возможность укрыться и продолжать свою борьбу. 9 февраля утром марковцы покинули город, а 10-го в Ейск вошли красные — полк Инзенской дивизии. Полк был изрядно потрепан в боях за Ростов, пополнен освобождёнными из тюрем и направлен в Ейск для боевого слаживания. Город после калейдоскопа грозных событий последних месяцев встретил инзенцев пустынными улицами.

СУДЬБА ОДНОГО ИЗ 1200 ЕЙЧАН, У КОТОРЫХ ОТНЯЛИ ДОМОВЛАДЕНИЯ

Инна Леонидовна Чага в 1937 году малолетним подростком вместе с мамой была бесцеремонно за 10–15 минут выдворена из своего прекрасного дома, не подлежащего по декрету (который никто и не собирался исполнять) изъятию у хозяев. При этом им не разрешалось ничего, кроме одежды, брать с собой, так как новым хозяевам это могло понадобиться. Отца, Леонида Александровича, арестовали накануне без объявления причин. В дом заселили семью водителя секретаря райкома партии. Никто из родственников и знакомых не приютил изгоев. Только на далёкой окраине, в Садах, их приняла подруга мамы. До конца жизни эта бесовская несправедливость не давала ей покоя. Сбор материалов для судов позволил ей накопить более 1200 эпизодов незаконного изъятия

домовладений. Я их листал все. Позже, получив документ о реабилитации моего деда и ознакомившись с материалами следствия и решения тройки, я понял всю глубину ленинской бесовщины.

Но я же хочу вернуться в 1920 год и рассказать о судьбе моего деда – Николая Филипповича и его семьи. Довольно скромный писарь городской управы, отбывший воинскую повинность рядовым в местной городской команде, стал отцом большой семьи. Чувство ответственности за судьбы детей заставляло его, кроме основной работы, подрабатывать ещё в разных местах. Не состоял ни в каких партиях и движениях и учил этому детей. Он не избежал «Молоха» репрессий, как и тысячи невинных земляков ейчан, в чью ПАМЯТЬ я пишу эти строки.

Весна 1920 года. Четвёртый раз в городе меняется власть, и каждый раз при этом к деду приходят то с просьбами, то с угрозами выйти на работу — помочь вести городское хозяйство. За столом на Керченской (Советов) собирались: дед с бабулей, дочь Наталья с двумя детьми (муж погиб на фронте), сыновья Василий — 20 лет, Дмитрий — 17 лет и Владимир — 13 лет, дочь Антонина — 29 лет. Сыновья Георгий и Петр погибли, а дочь Серафима после

австрийского плена и Красного десанта жила у мужа в Новощербиновской.

Первый арест деда был в марте 1918 года. Его подозревали в доносе белым на Порфирия Шмойлова, секретаря Ейского городского Совета. Николай Филиппович с приходом к власти красных по уговорам и настоянию Шмойлова и Подбельцева занял должность в Городской Управе заместителя управляющего финансовым отделом и у него хранились раздаточные ведомости по жалованию с указанием фамилий и должностей красных. В ночь с 9 на 10 февраля, перед приходом белых, Шмойлов пришел к деду домой и потребовал у него эти документы. Они пришли в Управу, и дед выдал дела Порфирию, который их сжёг. Белые с приходом искали и арестовывали красный актив и Шмойлова арестовали одним из первых, так как на афишных тумбах города были наклеены многочисленные постановления Советской власти об арестах, расстрелах, изъятии имущества, призывах в армию и других акциях. И все эти документы были подписаны Шмойловым.

Деда вызывали красные, допрашивали, но они не понимали, что никому из контрразведки белых не могла прийти в голову абсурдная мысль назначить членом суда помощника руководителя (бухгалтера) финансового отде-

ла советской власти и благо, что его не судили за это. Николая Филипповича для следствия и суда отправили в Екатеринодар. За деда вступились многие, тогда еще ЧК не успело замордовать людей и превратить их в покорный и молчаливый скот. Так 6 апреля 1920 года на стол следователя легло письмо за подписями ейчан Шевченко, Каменского, Сирякова, Гудым, Махини, Тунарова, Могильского, Булавина и др. Они доказывали невиновность и высокую порядочность деда (вставка из дела).

Давайте проследим за ходом следствия в 1920 году, когда еще суд был обязательным для обвиняемого, когда следователь имел образование, когда ЧК и в ужасе незабываемые ТРОЙКИ не вершили расправы над людьми по жуткому, дико зверскому правилу «что хочу, то и ворочу». В краевом архиве Кубани храниться ДЕЛО № 146 Кубанского Черноморского Революционного Трибунала. По обвинению Бельцева Николая Филипповича в предательстве Советского работника Порфирия Шмойлова.

2 апреля 1920 народный следователь Толмачев, открыл дело допросом Н.Ф. (см. лист допроса). По сути, дед, выдав дело со списком актива красных для сожжения, сам попал в число преступников и мог быть судим белыми. Изучая судьбу своего деда Николая

Филипповича, я, к сожалению, не имел дела 1920 года. Это дело нашла моя родственница, Наталья Апухтина. Его судьба после почти полугодового следствия разрешилась справедливо. На руки он получил документ снимавший с него навет. Следствие по делу Николая Филипповича закончилось в августе 1920 года. Выписка из постановления суда от 18 августа 1920 года (смотри лист архива) определила его НЕВИНОВНЫМ. Некоторое время они с бабушкой оставались в Екатеринодаре у брата.

С приходом красных в город приехал в шикарном карете с дворянским гербом ейчанин Иван Осипов с супругой, красавицей-баронессой, и двухлетней дочерью. Он был хорошо знаком с Антониной, и та упростила родителей временно пустить их на квартиру. Осипов имел мандат комиссара и был влиятелен у красных.

К нему в денщики привязался дезертир из Инзенского полка — некто, которого все называли Паря. Иван гнал его от себя, но тот чистил ему лошадей, мыл карету, чистил сапоги. Спал он во дворе, и только поздней осенью бабушка нашла его скулящим от холода в сарае и привела в дом. Иван, увидев его, произнес вещице слова: «Ты, мать ещё пожалеешь об этом».

В своей карете комиссар часто мотался в Ростов и Екатеринодар, всегда вместе с же-

ной. Дочь оставалась с Антониной. Однажды, при возвращении из поездки, навеселе, поздно вечером, его кони врезались в столб. Иван получил ушибы, а жена разбилась. Комиссар вскоре обвенчался с Антониной и, оставив ей дочь, закрутился в вихрях Гражданской войны, а Паря пристроился к отделу ЧК, размещавшемуся в бывшем полицейском управлении, которое было рядом с домом.

Старательного прислужника вскоре сделали сотрудником ЧК. И он, поддавшись общему настрою, стал выживать хозяев из дома. 2 марта 1931 года был арестован Николай Филиппович, далее под суд подвёл брата моего отца, Василия Николаевича. Почувяв неладное, уехал из Ейска сын Дмитрий Николаевич и остался с мамой мой отец, 13-летний Владимир.

В 1925 году в обстановке жёсткой безработицы отцу удалось устроиться рабочим в бригаду бурильщиков, и по окончании работ в Ейске он с бригадой уехал к новому месту работы, и это стало его делом жизни. Бабушка осталась с дочерью Антониной и неродной внучкой. А Паря распоясался до края. Не выдержав унижений Пари и его друзей, Антонина уехала к сестре в Бухару.

В 1929 году отец (ему было уже 22 года) с беременной женой приехал в гости к матери, которая приглашала невестку рожать у неё. Отец

пытался урезонить буяна, но тот вызвал охрану. Его увели в подвал ЧК, основательно избивали, и только брат жены выручил его оттуда и, не общаясь ни с кем, увёз родителей из Ейска к месту работы.

Не выдержав издевательств зимой 1933 года, бабушка последней покинула родной дом и, заехав к нам в станицу Тимашевскую, где в то время мой отец с бригадой бурил скважину на воду, уехала к дочери Наталье в Бухару.

Так или почти так отобрали домовладения (не дворцы, а скромные, но добротные и ухоженные дома) почти у тысячи ейчан, данные о которых старательно собрала Инна Леонидовна Чага. Дедушка мой был реабилитирован посмертно, мне по заявке выдали его судебное дело. И самый первый документ — ордер на арест был просто липовейший. Он был заполнен карандашом и выдан Бельцеву на арест Бельцева (опера не дали, видно, добро на проставку своей фамилии), вместо подписи председателя ЧК стоит факсимиле, как мы в детстве делали пером «Рондо» на картошке. Дед мог возразить, но в дом ворвались ночью с ударами прикладов в дверь и всем велели поднять руки на стену. Краткий обыск, и увели деда в кальсонах и пальто с брюками в руках.

Искал я место, где он погиб, но осенью 1931 года из Ейска на барже, которая собирала

бедолаг от Краснодара и до Ростова, он попал в Ростов — столицу края. Там тюрьмы и концлагеря были забиты до края, и людей согнали в большой овраг (двоюродная сестра деда Анастасия Константиновна встречала пароход в Ростове, перекинулась с ним парой слов и уехала для ходатайства в Москву). Теперь уже ни Ростов, ни Краснодар не знает, где они падали, как добивали контру взбесившиеся бесы.

Пугачёвщина таких ужасов не знала, они крестьян не били и даже могли помиловать добродушного помещика. А вы полистайте «Книги памяти Краснодарского края» — там одни колхозники и рабочие. Но у нас уже всё перегорело, кровожадные палачи ушли из жизни, правнуки сторонятся подобных тем, но ЭТОМУ УЖАСУ люди ставят памятники.

Недавно такой был открыт в Ясенской, и, надеюсь, такой будет открыт и в Ейске на месте тоже распаханного бесенятами Хорошиловского кладбища на Богданке, у старой заправочной.

Изучая материалы следствия, я встретил десятки фамилий ейчан: и свидетелей, и лже-свидетелей, и следователей. Их внуки учились и дружили с моими детьми и внуками. Я не хочу ни в чём их упрекать, они порядочны. Но ПАМЯТЬ о безвинных жертвах должна быть увековечена. Это долг живых.

ХУТОР БАЗОВА

Подготовка к мощному натиску бесовщины началась в Ейске с 1921 года. Центр требовал всё больше и больше продуктов питания. И в первую очередь это был хлеб. Его производство было сосредоточено на хуторах, куда и направились бригады активистов по его изъятию. Хуторов ейчане держали много. Поэтому приведу лишь два примера. Обстановку с зерном знали и учитывали в ревкоме Ейского отдела. И, когда в сентябре 1922 года центр потребовал найти и изъять хлеб, отряды активистов разъехались из Ейска по хуторам.

Один из них во главе с членом ревкома П.П. Мазуром прибыл на хутор Базова. Так называлась группа хуторов, самый крупный из которых принадлежал умелому хлеборобу Базову. У него жили, кормились и получали хороший заработок около 20 членов семьи и родственников и столько же наёмных работников. Прибывшие обыскали двор и все по-

стройки, но нашли очень мало зерна. На удалении стояли большие стога соломы, и при их проверке обнаружили спрятанное там зерно. Два дня прибывшие и население хутора возили к вагонам на Александровском полустанке зерно. Его хватило на пять полновесных вагонов. Мазур тряс наганом перед лицом Базова, упрекая в укрывательстве. Базов же, сдерживая себя, отвечал, что у него за столом сорок работников, большое число скота и птицы и на посев всё рассчитано до мешка. На вопрос Базова об оплате Мазур предложил ему проехать в Ейск, где в ЧК объяснят ему всё, в том числе и об оплате. Хуторяне упросили Мазура не подвергать Базова аресту. Рассудительный крестьянин понял суть происходящих перемен, забрал семью и на своих подводах уехал в Ростов, купил там скромный дом и устроился на работу. Хутор он оставил родственнику, судьба которого была печальна.

КОММУНА «КРАСНАЯ ЗАРЯ»

В апреле 1921 года в Ейский отдельский ревком прибыл энергичный латыш Карл Вилькс с предложением организовать коммуну на базе крепкого кулацкого хозяйства. Выбор пал на станицу Ясенскую, одну из самых непокорных в отделе. В ней среди крепких хозяйств выделялось хозяйство Комарницкого, хутор которого был образцовым во всех отношениях. Долгие годы старик Комарницкий упорно шёл к зажиточной жизни. Большая семья рассветы встречала за работой. Коровы, свиньи, овцы, домашняя птица не давали нежиться в постели или отходить с похмелья. Однако служба сыновей на фронте и болезнь жены потребовали дополнительных рабочих рук. Вначале это была семья односельчан Бучинских. Работу на хуторе Комарницкого нашли отец Иван, сын Григорий и дочери Устинья и Мария. Позже пришли Стеценко и Нестеров. Хозяин скупостью не отличался, содержал двух престаре-

лых станичников в богадельне Ейска, кормил работников и исправно платил им, помогал попавшим в беду односельчанам.

Вот на это хозяйство и пал выбор Отдельского ревкома. Основанием стало то, что сыновья Комарницкого, фронтовики, не один год проводившие в окопах Первой мировой войны, скрывались от мобилизации как белых, так и красных. Карл прибыл на хутор в сопровождении отряда ЧОН и объявил, что отныне здесь организуется коммуна «Красная заря». Председателем стал Вилькс, а его заместителем — Луганцев. Это была первая реквизиция собственности в Ясенской. Старик не верил своим ушам и глазам. Среди бела дня власть отбирает его имущество, труды всей его жизни! Крепкий, рассудительный и знающий себе цену человек молча ушёл в дом, заперся в комнате и не выходил несколько дней. Ясный практический ум хлебороба чётко определил, что после событий 1918 года и разгрома Подгорного искать защиты не у кого. Через пару дней Карл Вилькс со своим помощником Луганцевым, которым не понравилась жизнь в подсобных помещениях, стали вызывать хозяина, предлагая ему убраться из дома. Комарницкий появился на крыльце с дробовиком. На громкие голоса из дома вышла кухарка Лукерья Бучинская. Увидев хозяина с ружьём, она схватила

ствол и направила его к земле. Раздались два выстрела. Один из коммунаров ударил старика обухом топора по голове, и хозяин хутора отдал Богу душу. Конюх Стеценко отвёз труп к дому Комарницкого в станицу, а коммуна начала НОВУЮ ЖИЗНЬ.

Независимая от хозяина, обеспеченная жизнь понравилась коммунарам. Воспоминание о расправе над хозяином пытались забыть в труде. Успокаивала мысль о том, что ты стал совладельцем большого богатства и что тебя из дома никто выгнать не может.

Расплата пришла в конце августа 1921 года. Дело шло к вечеру, когда к хутору прискакала группа всадников. Коммунары занимались делами: Карл и Бучинский — бумагами, Луганский и Нестеров готовили в амбаре зерно на мельницу — все были при деле. Всадники спешили, вбежали во двор, и началась расправа над коммунарами. Гремели выстрелы, пали Карл и Бучинский. Накинув петлю на шею, по двору таскали Луганцева и Нестерова. Шашками зарубили мать Бучинскую, конюха Стеценко, Устинью Бучинскую, а её сестре, Марии, искололи грудь кинжалами, обвиняя в предательстве. Спасся лишь Ваня, двенадцатилетний сын Карла, спрятавшись на чердаке кухни. Так сыновья Комарницкого отомстили за убийство отца. Шла ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

КАК АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО СПАС СЕМЬЮ

Однако не все насмерть стояли в своих подворьях, осмыслив суть происходящего. Однажды, в 2012 году, в Совет ветеранов в сопровождении женщины пришёл участник Великой Отечественной войны Николай Андреевич Бондаренко. Ему шел 97-й год, по званию он был старшиной, а на груди у него сияли награды: ордена Красной Звезды и Великой Отечественной войны, медали за оборону Москвы, освобождение Праги, взятие Берлина и др. Бывалый воин очень гордился службой в 16-й мехбригаде и обещал многое рассказать, если мы навестим его в доме, который он построил после войны на улице Армавирской. «Чем вам помочь?» — поинтересовались мы. — «У меня всё есть, управляюсь по дому и двору с помощью моей соседки, тоже одинокой».

Мы поехали к ветерану, как он и предлагал. Чайный стол длился долго, и рассказ Николая Андреевича был нетороплив. Родился он на хуторе, крестили в Ясенской. Группа хуторов располагалась на месте Советского. Ветеран помнил соседей Абраменковых и Лиходедовых из более чем десятка хуторов. Помнил, как непрерывно отнимали скот, зерно и корма для животных, под угрозой оружия и даже применяя его.

Отец, понимая бесполезность сопротивления, оставил хутор, погрузил зерно, забрал последнюю корову, десяток кур и ночью переехал в город. Он устроился работать на завод. Но в 1932 году, в разгар колхозной кампании, его обнаружили как уклониста, а на чердаке нашли остатки пшеницы. К вечеру, закончив обыск, чоновцы вышли со двора, и по дороге старший приказал утром арестовать отца. Об этом услышала мать, подметавшая улицу. И в ночь, усадив семейство на оставшуюся подводку, отец известными ему путями к утру подъехал к разъезду Рядовой. Путеец, получив в подарок лошадь и телегу, помог усадить большое семейство в вагон поезда, и на вторые сутки они добрались до Чечни, где нашли кров и работу. В 1938 году семья вернулась в Ейск, а в 1940-м Николая призвали в армию, из которой он вернулся только после ПОБЕДЫ.

ГОЛОД 1921–1922 ГОДОВ

Такая ситуация на земле, да ещё и в неурожайные 1920, 1921 и 1922 годы, привела к тому, что на Кубани разразился голод.

Когда я опубликовал об этом статью, Евгений Котенко в очередном опусе утверждал, что я ошибаюсь — ничего подобного якобы в Ейске не было. Мы поговорили с ним, и я пытался объяснить, что он по социальному положению — апологет ушедшего преступного социализма (папа его, корреспондент партийной газеты, в ГОЛОДОМОР получал приличный паёк, и семья, а тем более двухгодовалый Женя, не испытали мучений голода). Его отец, фотографом газеты, входил в бригаду Враны, которая занималась разрушением церквей.

Вернемся к голоду. Он затронул и Ейск, но в то время ещё не обнаглевшая власть принимала меры по оказанию помощи голодающим. Не изуродованная ещё статистика тех лет даёт немало фактического материала. В Ейске

страдали от голода 10 273 души, но до марта ещё голодных смертей не было. В марте от голода умерло 273 человека и в апреле 279. Власть помогала голодающим, организуя ночлежные дома, детские столовые, снабжала продуктами трудовые коллективы. Умершие регистрировались в отделе ЗАГС, их хоронили по обряду в гробах в индивидуальных могилах.

ГОЛОДОМОР 1932–1933 ГОДОВ

Совсем другим был СМЕРЧ БЕСОВЩИНЫ в 1932–1933 годах. Ейск официально на «чёрную доску» Кагановича — Якира не попал, но вокруг него было много земель, на которых трудились и ейские хуторяне, и наёмные рабочие из города.

Партийную власть в Ейске в то время возглавлял присланный из центра грузин Ломинадзе. В 1929 году он организовал колхоз имени 1-й пятилетки. 40 тысяч гектаров земли городу надо было обработать. Не спрашивая согласия, в списки колхоза включили всех владельцев хуторов и их наёмных работников — адреса хорошо знала власть. Оказавшиеся без работы люди вначале не протестовали. Протесты начались, когда отобрали всех коров. Хозяйки, у которых на завтрак всегда были добрый ломоть хлеба и кружка молока, взбунтовались ещё больше, когда узнали, что их коров забивают для питания 26-го полка и чиновников

новой власти. Но дальше под ружьём уводили свиней и забирали птицу, обещая кормить всех в колхозной столовой. До её открытия было далеко, а кормить семью надо было каждый день.

6 марта 1930 года во дворе колхозной бригады, разместившейся в бывшем домовладении ейчанина Свергунова, прошёл бурный митинг. Женщины с утра с боем уводили своих коров, а мужики возмущённо обсуждали происходящее. По тревоге прибыли руководство колхоза и с ротой кавалеристов 26-го полка секретарь Ломинадзе. Пыл митингующих утих, но больше половины вышли из колхоза. Сев был сорван, и урожаем в 1931 году колхоз не порадовал. Сев, как и другие работы, проходил весьма напряжённо.

Неутешительные итоги сева весной 1932 года привели власти к решению жесточайшим образом подавить сопротивление не вступивших в колхоз и вышедших из него. И это уже не решение группы Кагановича а копирование действий центральной власти по станицам Староцербиновской, Уманской, Полтавской и другим приговорённым к жестокой казни голодом. Были составлены чёткие списки обречённых, куда попали не только земледельцы, но и большой отряд горожан, занимавшихся извозом и оказавшихся не у дел в связи с замершей торговлей порта. Ейчан, не справивших-

ся с руководством колхозом, убрали, и во главе был поставлен 25-тысячник Фёдор Яковлевич Кизиллов, человек железной воли. На базе колхоза было создано три колхоза: «Первая пятилетка» с Кизилловым во главе, «Вторая пятилетка», председатель Д.Ф. Ткаченко, и «Имени 17 партсъезда» во главе с П.И. Азаренко. Это обеспечило более конкретное руководство лично председателем. А «саботажниками» занялись руководство города, ЧК и 26-й полк.

Надо заметить, что в городе сложилась крайне тяжёлая обстановка с жильём. Делить и отнимать после смерчей 1919–1931 годов было уже нечего. Ликвидация частных кирпичных заводов, не только обеспечивавших Ейск и его соседей, но и торговавших с Ростовом и Екатеринодаром, обрезала стройки. А жилья требовало и лёгкое училище, перебазировавшееся в город, требовал командный состав 26-го полка, требовали инвалиды и герои революций. Поэтому всех остро нуждающихся в жилье закрепили за каждым домом «саботажника» колхозного движения и обязали лично участвовать в изъятии у семьи продуктов питания. И чем больше будет изъято, тем быстрее закреплённый получал жильё и всё, что было нажито умершими. До каждого «саботажника» довели, что он и члены его семьи не имеют права покидать пределы двора без разрешения вла-

стей. Круглосуточный объезд конных патрулей на дорогах и патрулей на вокзале и в порту составом 26-го полка обеспечил контроль за «саботажниками». Через сутки осуществлялся объезд подворий «саботажников» с изъятием всего съестного, вплоть до горшка с кашей и кастрюли с супом, и повторным обыском возможных тайников.

Особенно старались те, кому обещали отдать «выморочное» домовладение. Однако, к счастью, далеко не все изъявляли желание занять чужой дом, надеть чужую одежду и есть с посуды замученных в жестоких пытках голодом, ни в чём не повинных «саботажников» и их малых детей. Этим занимались бесноватые ироды. Как свидетельствует Пётр Макаренко в своём труде «Смерть зовётся 33-й год», издательство «Традиция», 2008 год, многие красноармейцы отказывались от такой «дармовщины» и бежали от ужасов пыток голодом. Надеюсь, и в Ейске были такие отщепенцы дикого социализма.

Уже осенью 1932 года на дроги грузили трупы умерших от голода ейчан и увозили на кладбище у тюрьмы (ныне здание гарнизонной бани). Обряд похорон был значительно упрощён. Без гробов складывали на дроги и на кладбище сбрасывали в открытые большие ямы. Трупов было много, а работников для рытья ям мало, и поэтому из групповых могильников, как пра-

вило, торчали руки или ноги «саботажных» ейчан и их малолетних детей.

Может быть, этот шабаш бесовщины и ушёл бы в небытие, но появился и лёг на хранение в архив чудовищный документ: «Протокол №3 суженного заседания Ейского районного исполнительного комитета (РИКа) от 19 марта 1933 года». Толчком к его появлению стал визит наркома обороны СССР маршала К.Е. Ворошилова с инспекцией в недавно перебазированное в Ейск лётное училище. 14 июня 1932 года маршал лично обошёл многие объекты. Бензосклад училища расположился в обширной часовне посреди кладбища, недалеко от тюрьмы (баня гарнизона), и на пути маршала было много свежезарытых обширных могил, из-под холмиков которых торчали руки и ноги погребённых. А неподалёку стояли казармы 26-го полка. Зная о «чёрных досках» на Кубани, маршал, несмотря на просьбы, не встречался с ейчанами и их руководством, но из Москвы потребовал закрыть и снести старое кладбище. Так в марте 1933 года и засуетились районные власти.

Подобные проблемы обсуждались только на секретных, так называемых «суженных совещаниях». В работе этого суженного совещания участвовали: президиум Ейского РИКа, председатель Учакин, секретарь Новичков,

председатель РКИ Труфанов, начальник райотдела ОГПУ Шаповалов, начальник гарнизона Мильцер, заместитель председателя РИКа Кончагин. Приглашены: заведующий Райздрав Иванов, заведующий РАЙОНО Езолко, начальник районного управления милиции Буевский, районный прокурор Матвеев, председатель районного Осоавиахим Тарасов.

Вопросов накопилось немало, пока дошли до 21-го. Он и звучал не тревожно, а обыденно: «О санитарном состоянии города и района и закрытии городского кладбища». Такую повестку дня может рассматривать и сегодня любой город. Но в то время Ейск представлял собой уникальное, не имевшее места нигде ранее поселение людей. Город рукотворно был разделён на две части. Первая жила жизнью, характерной для времён недорода, неурожая, со столом скромным, но достаточным для поддержания жизни. Хотя и голодные смерти отмечал ЗАГС.

Я знал земляка, жившего по улице Краснодарской, 37, – Агаркова, которого в семье звали спасителем. Он заметил за плотной изгородью лётного училища баки, куда сбрасывали отходы из лётной столовой, и по ночам пробирался под проволокой к ним и набивал сумку из бака. Там было кое-что съедобное. Этим жила семья.

Руководство и партийный актив вообще ограничений не знали. Хорошо питался лич-

ный состав лётного училища и 26-го полка. Работавшие получали скромные пайки. Родня помогала друг другу. Родившихся регистрировали в ЗАГСе, умерших отпевали и хоронили в гробах. Но в архивах могут сохраниться списки с населением около тысячи человек, которых руководство города занесло на «чёрную доску», объявило «саботажниками» и врагами народа за скандальный выход из колхоза в период «Свергуновского митинга». За общение с ними горожанину грозила перспектива стать «врагом народа», а им было запрещено выходить со двора.

Постоянные объезды и изъятие всего съестного у «саботажников» привели к тому, что в апреле уже две-три подводы в день, гружённые умершими от голода, подвозили к наспах отрытым ямам на кладбище. Регистрации смерти в ЗАГСе не проводились, ямы загружались полностью, и немудрено, что Клим Ворошилов, попав на городское кладбище, чуть ли не спотыкался о торчащие руки и ноги несчастных жертв.

Однако вернёмся к ПРОТОКОЛУ. Заслушав информацию Учакина, ПОСТАНОВИЛИ: «Учитывая, что вымирание населения в городе и районе от последствия недоедания приняли значительные размеры, что влечёт за собой угрожающее положение с возможностью

вспышки эпидемии как последствия небрежного зарытия трупов **(Не гробов, а трупов!) на кладбищах, в огородах, садах, колодцах (!) и прочих местах. Считать необходимым: (А мы ломали голову, когда в восьмидесятые годы прошлого столетия на небольшой глубине нашли у стадиона скелет человека. Формулировка протокола маскирует ГОЛОДОМОР под ГОЛОД.)**

1. Обязать персонально Зав. Райздравом Иванова совместно с санчастью Гарнизона т. Богоявленского, РайОСО Авиахима Тарасова и РОКК (Красный Крест) в суточный срок проработать конкретные мероприятия профилактического характера по предупреждению возможности вспышки эпидемий.
2. Обязать Городской Совет (т. Коняева) в суточный срок разработать обязательное постановление об очистке города от нечистот и сора, предусмотрев жёсткие требования о содержании в надлежащей чистоте улиц, дворов, уборных, свалок, водоёмов и квартир, обусловить нарушения обязательного постановления крепкими мерами воздействия.
3. Закрывать старое кладбище для похорон трупов, с каковой целью поручить Горсо-

вету и Горкомхозу совместно с Горсанврачом и Санчастью Гарнизона в суточный срок отвести территорию под новое кладбище, где и производить похороны трупов. Установить, как правило, предварительную подготовку братских могил.

4. Возложить на Городской Совет, Госсанврача и Райздрав обязанность в 2-дневный срок тщательно осмотреть старое кладбище и все трупы, похороненные без санитарных правил **(т. е. торчащие из вырытых наскоро ям)**, перехоронить с применением хлорной извести и других сильнодействующих дезинфекционных средств.
5. Усилить АСОБОЗ (ассенизационный обоз) лошадьми за счёт мобилизации **(читай: изъятия у населения)** городского транспорта.
6. Обязать Райснаб отпустить необходимое количество хлеба для снабжения рабочих по уборке трупов, а также концентратов. Фураж для занятых на этой работе лошадей».

Руководство всем намеченным было поручено предгорсовета т. Коняеву, зав. райздравом т. Иванову, нач. ОГПУ т. Шаповалову, нач.

гарнизона т. Мильцеру и пред. РКК-РКИ (рабоче-крестьянской инспекции) т. Труфанову.

Толчком для открытия нового кладбища стали визит в лётное училище маршала Клима Ворошилова и его прямое распоряжение. Он столкнулся нечаянно с голодомором и его ужасным лицом и не стал встречаться с властями и горожанами, опасаясь вникать в сферу дел Кагановича и Якира. Острые на язык ейчане окрестили новое кладбище «Хорошиловским парком». Выражения «отнести на Хорошиловку», «переселиться/уехать на Хорошиловку» означали, что человек умер. В то же время они напоминали о визите прославляемого маршала и бесильного человека.

Я привёл только один людоедский документ той страшной эпохи. Предстоит открыть десятки других, которые помогут восстановить конкретные подворья и фамилии людей, поставленных на «ЧЁРНУЮ ДОСКУ».

Большую работу провела кандидат наук (настоящая, а не купившая красивый документ в переходах столичного метро), сотрудник Ейского историко-краеведческого музея, покойная Инна Леонидовна Чага. Она исследовала судьбу около 1200 подворий города, изъятых у их владельцев. Во время её болезни я листал под её присмотром эту солидную документальную папку, где перечислялись каждый

двор и все его обитатели. Получив сообщение о смерти Инны, я прибыл в её дом. Там уже находились доверенное лицо покойной Инны старшая сестра ейчанина Ю.П. Короткова, супруги Катенко и Лидия Алексеевна Мясникова. В заветной тумбочке я не видел папки с материалами об отобранных подворьях, но общее мнение было таково: все материалы покойной увезти в архив и там создать именной фонд. Я понимал, что папки подворий там уже не будет, и верно — её нет. Ушла возможность установить список ейчан, жесточайше приговорённых к медленной голодной смерти в своём некогда шумном и оживлённом дворе.

Не менее 500 человек вышли из колхоза, не менее 2000 покоятся в общем рве Хорошиловки, — нагие, без гробов и отпеваний. Ни памятника им ни креста. Стыдно, господа-товарищи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что необходимо сказать в конце этого краткого повествования. Повествования о документально реальных, печальных, абсурдных, не по-человечески жестоких деяниях людей, ранее ничем особенно не отличавшихся от своих будущих жертв. Мы не с неба свалились и знаем, что были Чикатило, питерские людоеды, пожиравшие дома своих ничего не подозревавших знакомых, псевдоучёные, расчлняющие своих незадачливых и доверчивых любовниц, и другие феноменальные извращения. Генетика и бесовщина способны на многое. Но это единицы, штучный товар, а здесь по всей ВЕЛИЧАЙШЕЙ стране массовый террор, который в своих масштабах касался и Ейска. Верный ленинец Землячка после изгнания белых из Крыма сбросила в море тысячи солдат Белой армии, в основном российских крестьян, привязав камни к ногам, чтобы они стояли столбами в воде, в назидание всем,

кто против красных. А Кронштадт, подавление Тамбовского мятежа, ГОЛОДОМОР занесённых на «ЧЁРНУЮ ДОСКУ» станиц Кубани? И нет конца этому тяжкому перечню.

«Почему вы, на чьи деньги была построена Новопокровская церковь, не отстояли её от иноземцев?» (В бригаду по разрушению церквей в Ейске, которую возглавлял католик австриец Врана, входила разношёрстная бесовская смесь, где единственным русским был член редакции партийной газеты, единственный фотограф в городе Александр Катенко. Шесть солидных фотографических студий Ейска ликвидированы, а их хозяева бежали или были репрессированы. Оставшееся имущество было свезено в сарай и отдано во владение партийной редакции, которая подготовила своего советского фотографа Александра Катенко. Он с сыном Евгением фотографировал для истории процесс уничтожения храмов.)

Такой вопрос я задал, собирая материал о храмах города для экспозиции музея, квартальному Новикову, дом которого стоял прямо напротив того места, где стояла Новопокровская церковь. Он был подростком в то время и хорошо помнил события. Александр Иванович Новиков рассказал мне, что при первом заходе бригады разрушителей к церкви вышла

вся округа, весь приход, и ломателей не пустили к храму.

Бригада ушла, но в ночь забрали выступавших, батюшку, церковный причт и наиболее активных прихожан. Больше их никто в городе не видел. Когда бригада вновь пришла и стала вершить своё чёрное дело, верующие вышли большой толпой и молча плакали. Такие меры властей положили конец всяким протестным акциям.

Менялись взгляды на жизнь, на события, на руководство страны. Непререкаемым героем для нас, предвоенных мальчишек, был маршал Клим Ворошилов. «Товарищ Ворошилов, народный комиссар...» было любимым нашим стихотворением. Он был олицетворением справедливости, чести и воинских способностей. Однако со временем этот миф развеялся. Великая Отечественная дала другую оценку и ему, и Семёну Буденному, и многим другим.

Но уже ныне, в Ейске, пролистывая историю города, я встретил уникальный факт. Маршал инспектировал в 1932 году перебазируемое в Ейск лётное училище, когда уже началось массовое вымирание семей ейчан, вышедших из колхоза и запертых в своих дворах. У них отобрали всё съестное и наблюдали за агонией голодной смерти детей и взрослых. Трупы раздевали догола (одежда годилась

новым хозяевам жилья) и на телегах увозили в отрытые на кладбище ямы. Трупов было так много, а могильщиков так мало что из-под насыпанной на несчастных земли торчали руки, ноги и даже головы беглых колхозников. О них-то и спотыкался маршал, инспектируя склад горюче-смазочных средств, расположившийся в кладбищенской часовне. Маршалу бы разобраться, как в 1932 году, через 10 лет после окончания Гражданской войны, в православном городе России хоронят людей подобным образом. Но маршал, не общаясь с жителями, поспешно отбыл в Москву, потребовав от руководства города перенести кладбище подальше от военных объектов. Новое кладбище ейчане назвали ХОРОШИЛОВКОЙ, чтобы не обидеть Клина, заменив в названии одну букву. Ай да маршал, ай да радетьель земли Русской! Заменил жестокого царя на власть, которая сбрасывает в ямы, как скот, крестьян, не пожелавших вернуться в более крутую крепостную зависимость, чем та, что была в России до 1861 года. Или он понимал, что если пикнешь, то и тебя сожрёт этот дьявольский Молох? Бывший нарком не проявил способностей и при работе по поручению Сталина в блокадном Ленинграде — его срочно заменил Жуков. Также рушились и многие другие авторитеты в стране. Пришедшие им на замену

военачальники, руководители колхозов, парторганов и даже КГБ были более человечны.

Постепенно ушли в мир иной революционеры со звериным лицом и повадками. Многие ещё надо исправлять в истории страны и нашего прекрасного города, но уже прошла реабилитация репрессированных народов, казачества, безвинно репрессированных людей. Прошли и проходят поминовения различных групп населения России, безвинно пострадавших от репрессий. Снимается тем самым тяжёлый УГАР БЕСОВЩИНЫ, незримо стоящий над местами непрощённых грехов. Заметным ритуалом стала церемония освящения памятника и отпевания жертв голодомора и репрессий в станице Ясенской. Молчит пока Ейск, в котором жертв бесовщины было гораздо больше и изощрённость издевательств над людьми была непревзойдённой.

Страшны Майданек и Освенцим, там мучения людей были страшны, но длились они более короткий промежуток времени. А представьте семью ейчанина, самовольно вышедшую из колхоза, куда его и записали-то, не спросив его согласия. Выход был засчитан как саботаж, и по примеру группы Кагановича в наказание был применён ГОЛОДОМОР. Строжайший запрет покидать пределы своего двора под контролем ЧК и нарядов 26-го полка, постоян-

ные обыски и изъятие всего съестного, вплоть до горшка каши со стола. Уже поздней осенью 1932 года семьи начали вымирать. Смерть в органах ЗАГСА не фиксировалась, покойников раздевали, так как с одеждой в те времена было туговато, грузили на подводы со специально подобранными возницей и грузчиком и на кладбище сбрасывали в открытые рвы. Источник — материал суженного заседания Ейского районного исполнительного комитета №3 от 19 марта 1933 года. Точные цифры наказанных подворий и число жертв исследователи ещё найдут в материалах партархива края. Говорили шёпотом ейчане о 400–500 подворьях, а значит, это не менее 2000 ейчан нуждаются в поминовении и ПАМЯТИ. Я призываю земляков собрать средства, установить памятник и отслужить молебен по всем безвинно репрессированным ЕЙЧАНАМ.

СОДЕРЖАНИЕ

Ейск — золотой век	5
Ейск в вихре бесовских бурь XX века	47
Первая Мировая война.....	55
Нападение казачества на Ейск.....	61
Бесовские мелочи.....	67
Трагедия «Красного десанта».....	69
Установление советской власти в Ейске.....	74
Судьба одного из 1200 ейчан, у которых отняли домовладения.....	78
Хутор Базова.....	86
Коммуна «Красная заря».....	88
Как Андрей Бондаренко спас семью.....	91
Голод 1921–1922 годов.....	93
Голодомор 1932–1933 годов.....	95
Заключение	106